

АЛЕКСАНДР
ПОЛЮХОВ

КРЕМЛЕВСКИЙ
ЭНДШПИЛЬ
ЛИКВИДАЦИЯ ИБЛИСА
ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА

Внешняя разведка (Книжный мир)

Александр Полюхов

**Кремлевский эндшпиль.
Ликвидация Иблиса**

«Книжный мир»

2017

Полухов А. А.

Кремлевский эндшпиль. Ликвидация Иблиса /
А. А. Полухов — «Книжный мир», 2017 — (Внешняя
разведка (Книжный мир))

ISBN 978-5-9909393-4-9

В новой книге бывший разведчик Матвей Алехин еще раз убеждается, что «бывших» в его работе не бывает. Он вновь оказывается в самом центре тайной войны: спецслужбы США и Саудовской Аравии готовят против России и её Президента провокацию такого масштаба, что содрогнется весь мир. Под ударом сердце нашей Родины – Кремль. И остановить террористов может только один человек – смертельно больной Матвей Алехин. Больному Лису нечего терять, и он ставит на кон в Большой игре свою жизнь. Чем закончится смертельный поединок? Финал будет, как всегда у Александра Полухова, внезапным, фееричным и победоносным. Хотя для Матвея Алехина это приключение и станет последним...

ISBN 978-5-9909393-4-9

© Полухов А. А., 2017
© Книжный мир, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	51
Глава 13	55
Глава 14	61
Глава 15	66
Глава 16	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Полухов

Кремлевский эндшпиль.

Ликвидация Иблиса

Глаза голубые, вода зеленая. Или наоборот? Не понять, когда одни быстро исчезают в глубине другой. Широко распахнутые паникой, как и рот. Малыш тонет камнем – плавать еще не научился, а врожденный рефлекс прерывания дыхания уже утрачен. Кровь теряет кислород, мозг – сознание. Конец близок.

© А.А. Полухов, 2017

© Книжный мир, 2017

Глава 1

Храм

Шпион почти не пил и печенью приятно удивлял ведомственную медкомиссию. Иные сослуживцы находили подозрительной подобную нерусскость. Позволял немного красного вместо бесчисленных бокалов *Vodka Martini*, которые на экране поглощал двухнулевый антипод. Вообще-то виски или водка – выбор большинства крепких профессионалов, из которых вырастают руководители спецслужб. Только он всегда выбивался из общей массы оперативников. Быть может, потому и не вышел в начальники.

Красивые женщины ему, правда, нравились. Порой взаимно, обычно дистанционно. От того и не стал жертвой их коварства и предательства. Не часто доставлял им любовные хлопоты, скорее надежды, чем разочарования. В общем, кадровики к нему претензий не имели. Хотя, пройдя экватор жизни, мужчине было кого вспомнить через пелену ушедших лет.

Кабаки и казино не прельщали, разработку выпивох и игроманов передоверял агентуре. Самому оперработа давала предостаточно иных возможностей пощекотать нервы. Азарт за игорным столом – ничто в сравнении с удачной вербовкой. Да и к деньгам относился бережливо: содержание агентурной сети обходилось недешево.

Так, избежав трех главных соблазнов, точнее, пороков древнего ремесла, уцелел до выхода в отставку. Теперь, спустя годы удачного погружения в бизнес, приобрел единственное сходство с киногероем – дорогое авто. Не пижонский *Aston Martin* с его английским качеством или отсутствием такового, а солидный немецкий внедорожник. Без катапульты и брони, зато с большим багажником для перевозки крупных собак. С ними и приехал из загородного дома в соседнее Иславское.

Не охоты ради. Стрелять шумных куропаток или тупых уток – абсурдно легко и абсолютно глупо. Это – ведь не люди, способные дать отпор и превратиться из дичи в охотника. Добыть *homo sapiens* куда сложнее и опаснее. Человеческую голову и чучело на стену не повесишь – окружающие не поймут и соображения секретности не позволяют. Три таких трофея, добытых лично, хранились у него в памяти. Тут он сильно отставал от западного коллеги, мифические результаты которого порождены инфляцией на рынке блокбастеров. Хотя еще дюжины две трупов наш шпион записал на счет своих подчиненных, специально обученных быстро нажимать на курок и не промахиваться. В его снах не всплывали лица убитых. Изредка в ночи приходили погибшие друзья, поговорить или упрекнуть.

Февральский снег скрипел под ногами, но еще не визжал. «Мороз градусов 12, – определил пешеход, остановившись возле церкви на вершине холма. Лежавшие ниже поля и луга просматривались в мельчайших деталях. Прозрачное январское утро, голубая эмаль неба, видимость, как сказал бы летчик или парашютист, миллион на миллион.

Знакомые просторы обзирал не пилот и не десантник, хотя в прошлом этот человек умел управлять самолетом и совершать прыжки. Нынче, говоря формально, являлся военным пенсионером. Что забавно, ибо форму никогда не носил. Недавно Родина вспоминала про полковника, вынудив вновь вступать в борьбу с врагами. Главные из них не менялись уже столетия, менялись лишь названия и имена их подручных. Без разведки страна не способна слышать, видеть и тайно действовать. За свою жизнь Матвей Алехин немало сделал, чтобы государство не чувствовало себя безруким слепоглухим.

Обширная панорама верховьев Москвы-реки завораживала. Неброско, по-спортивному одетый, высокий и худощавый мужчина снял солнцезащитные очки, явив миру глаза, серо-сизые, словно предрассветные сумерки. Далеко на западе они узрели предместья Звенигорода, а на востоке – небоскребы московского Сити. «Предки умели выбирать места

для храмов», – одобрительно отметил и двинулся вниз, к ленте речного льда. Планировал прогулку на час – больше не выдержат родезийские риджбеки. Их африканские предки не подозревали, что окажутся в северных краях, и не отрастили достаточно шерсти. Типичная недооценка места России в современном мире, свойственная не только животным. Отчасти генетический промах компенсировался попонами из дорогого лондонского магазина.

Четвероногие возбужденно принюхивались, пытаясь взять верхний запах от лис, порой мышковавших на прибрежных склонах, где сугробы поменьше. «Расплодились! Сократим поголовье?» – кобель вопросительно взглянул на суку. Та согласно вильнула хвостом. Обычно рыжие твари с коротким лапами и обильным мехом буквально уплывали от преследователей по глубокому снегу, скрываясь в оврагах и зарослях. Сегодня опытные собаки напрасно предвкушали длительные поиски и изнурительную погоню. Почти сразу из кустов вышел лис и без малейших признаков осторожности сам потрусил навстречу мощным, клыкастым охотникам. Добровольно шел на смерть, капая слюной из приоткрытой пасти. Самоубийца!

Питомцев, рванувшихся к нахалу, остановила команда: «Ко мне!». Не по годам проворно левша достал из кармана ПСМ, опустил на колено и выпустил обойму, оставив последний патрон в стволе – на всякий случай. Остроконечные пули калибра 5.45 не находили крохотную цель. Первые прошли через снежный покров или отрикошетили от полуметрового льда. Лишь седьмая насквозь прошила зверька от морды до основания хвоста, и, слегка изменив траекторию, ушла гулять по свету. Наступила тишина. Чуток алого, много белого и бесконечная синева вверху.

Стрелок хорош, хоть и староват, и пистолет добрый, хоть и скрытого ношения с простеньким прицелом. Погладил ствол: «Спасибо, Серый!». Так окрестил ПСМ в память о боевом друге, спасшем его в Афгане – ценой собственной жизни. Закашлявшись, чекист, после двадцати лет мирной жизни вновь вынужденный ходить с оружием, объяснил недовольным риджбекам: «Нельзя! Лисовин больной». Те сделали вид, что поняли, но огорчились – вожак стаи неспортивно прибежал к огнестрелу, впервые против животного. Обычно им он позволял охотиться, сам мирно прогуливался. «Раньше альфа-самец носил с собой только нож: толи постарел, толи агентурно-оперативная обстановка осложнилась», – решили поджарые бойцы.

Прогулка сорвалась, предстояло убрать добычу, чтобы исключить распространение *Rabiesvirus*. Тяжело, с хрипом втягивая воздух и понимаясь на крутой берег, пожилой человек прикидывал: «Не закопаешь – земля промерзла на метр. Нужен мешок». Предупредительный лай убежавших вперед собак оборвал мысль. На тропинке появился встревоженный обитатель дома на окраине.

– Что за пальба, Алексаньч?

– Доброе утро. Лису пришлось завалить. Из травматического, – автоматически соврал шпион, скрыв наличие боевого оружия. – Нынче бешенство в Подмосковье. Вот и сюда добралось. Ума не приложу, что с тушкой делать.

– О! Распрекрасно, что грохнул сумасшедшую, а то тут дети с горки катаются. Рыжую сожгу – вон, куча досок от старого сарая. Думал на масленицу костер запалить, а придется сегодня.

Запахавшийся Алехин погрузил риджбеков в «мерседес» и сел за руль, когда колокольный звон оповестил об окончании воскресной службы в церкви Спаса Нерукотворного Образа. Столпившиеся машины мешали выезду, пришлось ждать. В толпе выходящих прихожан мелькнуло знакомое лицо – не близкого, но соседа; давнишнего, но доброго друга.

– Привет, Виктор! Наконец нашел путь к Богу? – бывший чекист приветствовал известного врача, ранее яркого атеиста.

– Давненько, Матвей, давненько. Выйди, обнимемся.

– Уж с полгода, как не виделась. Храм не посещаю.
– Ты не гневи Всевышнего. Я вот по-другому стал относиться.
– Рад за тебя. Что-то случилось?
– Случилось: академик – не буду называть фамилию – биолог с мировым именем бухнулся на колени прямо перед операционной бригадой и заголосил: «Господи, отрекаюсь от своей теории о зарождении жизни на Земле из комочков слизи в океане. Спаси и сохрани». Меня аж перевернуло.

- Выжил академик-то?
- А куда денется! Чикнули ему, что положено.

Когда рассмеявшийся Алехин закашлялся, приятель напрягся и резко потащил товарища к своему автомобилю. Доставая медицинский чемоданчик, попутно расспрашивал новоявленного пациента.

- Ты, вроде, сильно похудел?
- С осени килограммов на семь-восемь.
- Кашель давно?
- Месяца три.
- Отдышка?
- После ходьбы.
- Мокроту отхаркиваешь?
- Бывает.
- Это плохо. С кровью?
- Нет.

– Это хорошо. Дыши! Не дыши! – прямо на улице доктор задрал куртку у друга и прикладывал стетоскоп к груди и спине. Алехину чувствовал неловкость только перед собаками, у которых необычная сцена вызвала ажитацию – посторонним не положено раздевать хозяина. На сновавших вокруг жителей Рублево-Успенского шоссе внимания не обращал. Те взирали удивленно или презрительно, стараясь подальше обойти чудаков. «Не иначе гомики», – определил владелец «майбаха». «Староваты, чтобы быть парой», – усомнилась продвинутая жена в платке *Hermes*.

– Завтра к нам в клинику, – решительно заявил врач, убирая инструмент. – Сделаем рентген и компьютерную томографию. Анализы, само собой. Захвати пиджаму и зубную щетку.

- Да, ладно, Виктор, не пори горячку. Подумаешь, кашель.

– Надо обследовать тебя, дружок. Только дорого у нас. Если направление добудешь в Управлении делами президентской администрации, то бесплатно.

– «Не верь, не бойся, не проси!» Из своего кармана заплачу, не зря же бизнесом занимался в последние годы.

– Увы, государство забыло о своих героях, – подвел итог медик и виновато моргнул много повидавшими, чуть выцветшими глазами. Ворона, пытавшаяся клювом вытащить из смержшегося сугроба использованный презерватив, согласилась: «Кар-кар». Видимо, считала себя докой в людских делах. Это к заутренней человеки пришли в храм, а ночью на церковной парковке такое творили!

Глава 2

Директива

По субботам в Белом доме больше туристов и меньше служащих. Последним и воспользовались четверо высших должностных лиц для обсуждения темы, к которой не хотели привлекать внимание чиновничьего аппарата. Соответственно и необычно длительное время: между ланчем, когда туристов попросят вон, и ужином, когда пора и самим отдохнуть. Пара диванов и кресел, в центре журнальный столик, пол устлан ковром с гербом. Вода, кофе без кофеина, спиртные напитки.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Проект Директивы PPD#...

ПРИНЦИПЫ ПООЩРЕНИЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В РОССИИ

...Принимая во внимание:

– продемонстрированную украинским кризисом и войной в Сирии ограниченность политических и экономических рычагов воздействия США на внешнюю и внутреннюю политику России;

– отсутствие в России сильной и организованной оппозиции, способной бросить вызов господствующей партии;

– недостаточное время для эволюционного формирования в России институтов свободного общества;

...А также, исходя из интересов национальной безопасности США, надлежит использовать информационные и психологические методы, чтобы заранее сформировать в мире острокритическое отношение к ожидаемым результатам предстоящих президентских выборов в России. Необходимо не допустить сохранения власти правящей верхушкой в лице нынешнего хозяина Кремля или его ставленника. В основу следует положить факт массового неприятия самими избирателями таких результатов и соответствующие протесты населения.

... Решающим образом могут изменить ситуацию события, которые приведут к дестабилизации положения в стране. Они продемонстрируют российскому и мировому общественному мнению те негативные моменты, что присущи политической элите России. В результате проявится неспособность Кремля контролировать обстановку и резко упадет личный авторитет действующего президента.

Специальное мероприятие способно ускорить наступление таких событий и усилить их резонанс. Для его проведения целесообразно задействовать возможности разведсообщества США...

Президент оторвался от концовки документа и загадочно улыбнулся, глядя в потолок Овального кабинета.

– Это – то, что мы ранее обсуждали?

– Да, сэр, – кивнул директор Национальной разведки, мимолетно оживив умное, мало-подвижное лицо и оторвав спину от подушек дивана. – Общая схема по типу событий на Украине.

– Вы уверены, что требуется президентская директива? Моего устного распоряжения недостаточно?

– Нам нужна письменная санкция хотя бы в самом общем виде, иначе у некоторых сотрудников могут возникнуть сомнения и колебания. Как видите, текст составлен в обтекаемых выражениях...

– Хорошо, я подпишу. Детали обсудите с госсекретарем. Ожидаю, что будут учтены мои пожелания.

– Разумеется, мистер президент.

– А специфическая акция?

– Сейчас есть наметки, интегрированный операционный план может быть сверстан и реализован до конца года.

– Условием реализации является полная гарантия отсутствия любых признаков вовлечения США. Ясно?

– Безусловно. Американские граждане не будут задействованы. Никакого прямого участия наших спецслужб. Саму акцию осуществят жители России. Инициатива будет исходить от организаций в третьих странах, действующих под контролем оперативников из иных дружественных нам государств. У нас документация составляться не будет. Только личные контакты и устные инструкции. По возможности, отказ от использования электронных форм связи. Полная фрагментация поручений и мероприятий. Высший уровень безопасности, включая э... отсечение отработавших свое звеньев.

– Не забыли включить идею об особом национальном и социальном составе участников?

– Безусловно, сэр. Для достижения максимального эффекта необходимо показать, что кремлевский режим ненавистен ни каким-то террористам и отбросам общества, а лучшим и проверенным гражданам, ранее являвшимся основой режима. Заслуженным и опытным.

– Таковые у вас есть?

– Мы их ищем и, надеюсь, найдем.

– Хотелось бы верить, ведь речь идет не об ординарном шаге. Это не банальная передача информации втихую. Это не на митинге глотку драть. Тут шума должно быть намного больше. Ваши шпионы и оппозиционеры не подойдут. Требуется человек-символ.

– Безусловно. Выбирать будем совсем иных помощников. Сильных и смелых. Готовых к самым ужасным последствиям, в том числе, для себя лично. Задача сложная, но реальная, – Директор вздохнул и допил бренди из бокала на журнальном столике.

«Игра начинается, – привычно констатировал он, – в сотый раз и с той же ставкой – контроль над Россией или, хотя бы, ее ослабление. В 90-е получилось, попробуем повторить успех».

– Что скажете, – президент перебрал мяч госсекретарю, невольно вспомнив, как той приходится отдуваться за промахи Вашингтона на мировой арене. В последние десятилетия их случилось не мало: Ирак, Афганистан, Ливия, Египет, Сирия – далее по списку. Правда, в Старом Свете дела шли лучше: удалось привязать к Западу страны Восточной Европы и клочки бывшего СССР.

– Мне кажется, было бы правильно использовать планируемые операции и для воздействия на Пекин, – задумчиво, как и полагается руководителю внешнеполитического ведомства, начала импозантная женщина, рефлекторно принимая телегеничную позу. – Китайцы обнаглели, пора поставить их на место.

– Есть конкретное предложение или тренируете выступление в ТВ-шоу? – не смог удержаться от сарказма хозяин Белого дома. – Что можно нового придумать по данной теме? Столько ее обсасывали, одни кости остались.

– Во многом наглость КНР объясняется уверенностью в стратегическом партнерстве с Россией. И наоборот, Кремль не стал бы так смело действовать в украинском вопросе, если бы не чувствовал за спиной поддержку китайцев. Если задуманная миссия позволит подо-

рвать эту уверенность, посеяв недоверие между Москвой и Пекином, то ... – госсекретарь подвесила в воздухе многозначительную паузу.

– То есть переложить на китайцев ответственность за ..., – столь же дипломатично умолк президент, мечтательно смежив веки. Голова опустилась, крашенные под пшеницу волосы, прикрыли лицо. Виделся сон наяву: противники повержены, Вашингтон правит миром, американский народ воздает должное хозяину Белого дома, варвары приносят дары к его ногам. Вслух такое не произнесешь, так хоть помечтать!

– А почему бы и нет, – энергично подхватил ДНР. – *To kill two birds with one stone* — выгодный способ охоты!

Облеченный высшей властью мужчина согласно округлил глаза и встал, отделившись от собеседников. Подошел к тройному окну – от пола до потолка, незряче посмотрел в сад. Затем повернулся и сел за письменный стол. С несвойственной для себя нежностью, задумчиво погладил его поверхность. Вырезанный из дуба предмет носил имя *Resolute*. Правда, энергетически подпитываясь от «*Решительного*», президент оставался в неведении, что давший столу имя и древесину британский барк был брошен экипажем в арктических льдах. Судно позже нашли и спасли, но свою миссию ему выполнить не удалось. Зато мебель вышла классная.

– Никаких утечек. Сделайте всё правильно. Ради Соединенных Штатов Америки. И да поможет нам Бог! – традиционный пафос прикрыл цинизм замысла. – Хорошего вам вечера! – звонко шлепнул ладонями по столу.

По-настоящему опасные люди не сомневаются, что несут добро. А если еще и лгут вслух на эту тему, то истово веруют в свою доброту. Именно тогда опасность становится чудовищной.

Глава 3

Дорога

Большой коттедж стоял в сосновом лесу. Темно: лишь изредка мелькнет свет фар на дороге за деревьями. Тихо: едва слышно шуршит котел в подвале. Алехин еще не проснулся, только пошевелился под одеялом. Последнее время спал отдельно от жены, и это не нравилось псу – стая не должна разделяться. Еще кобеля тревожил появившийся новый оттенок в запахе хозяина: моча и выдыхаемый воздух отдавали чем-то чуждым. Собака не могла идентифицировать причину и, встав с коврика, вновь медленно приблизилась к спящему, почти дотронувшись носом до его губ. «Что-то не так», – риджбек затряс головой – уши захлопали, прервав человеческий сон. В нем Матвей почему-то ехал по шоссе на велосипеде задом наперед.

В ванной нащупал халат, зажег свет. Еще прямой, хотя с легким намеком на сутулость, мужчина раздвинул широкие плечи и взглянул в зеркало. То бесстрастно отражало серьезное лицо с глубокими носогубными складками, словно составленное гранями сухой плоти и ребрами костей черепа. Почти исчез подкожный жир – еще немного и сквозь бледную, будто великоватую кожу проступит рельеф лицевых мышц. Глазные яблоки ввалились, веки чрезмерно нависали. Густые брови недовольно сдвинуты, губы сжаты в линию.

«Какой же я – болван, – выругался вслух, – признаки видел, а выводов не сделал. Ведь достаточно знаком с биологией, чтобы правильно оценить серьезную потерю веса. Тщеславно радовался, что похудел. А кашель? Что стоило раньше обратиться к пульмонологу? Не хотел услышать неприятные новости. Что ж, скоро они последуют». Грядущий день казался самым отвратительным в его жизни. Он еще не знал, что жестоко ошибается.

Умылся, пригладил волосы – мех седой норки, задумался: спуститься в бассейн или нет? Вспомнив про предстоящую поездку в больницу, решил пропустить плаванье. Нужно войти в роль, чтобы эмоционально верно подать неприятное известие супруге. Хотя толковую легенду не сварганить – фактура дрянная.

Завтрак не затянулся – кофе, творог, хлопья. На сладкое – новости в интернете. Полковник давно уволился со службы во внешней разведке, но по привычке старался держать руку на политическом пульсе Родины и мира. Грядут перемены – это ясно, но ясности насчет будущего курса страны нет. Он определится позже, когда сформируется расклад сил перед грядущими выборами и определится кандидат на пост Президента. Нынешний глава государства пока темнил, видимо, не будучи уверен в выборе преемника. Или определился, но берег креатуру от преждевременной критики и нападков?

Вошла Анна, такая теплая и заспанная, что с ней говорить о серьезном не хотелось. Но пришлось.

– Мне нужно съездить в город сегодня.

– Дела?

– Вчера встретил Виктора...

– Какого?

– Ну, помнишь, анестезиолога-реаниматолога? Доктора, который «расклеивает ласты»?

– Он тут причем? – напряглась белокурая спутница жизни, привычно пытаясь уловить суть тревожного в своей непривычности сигнала.

– Пригласил сдать анализы и показаться специалистам. Типа небольшой диспансеризации. Ты же меня давно уговариваешь.

Красивое лицо зрелой женщины исказил страх за любимого. Руки нервно схватились за ворот халата, запахивая его, словно через оконное стекло пахнуло холодом. Дыхание участилось, поднимая полную грудь с прожилками, как в зрелом сыре. На шее забились артерия. С осени она догадывалась, что у мужа неладно со здоровьем.

– Какой диагноз Виктор поставил? – супругу волновало другое («Ты будешь жить?»), но прямо о таком не спросишь.

– Ерунда, наверное, бронхит или воспаление легких, на худой конец, – прозвучал заготовленный лживый ответ.

В необходимых случаях Алехин обманывал профессионально, но с любимой, сопровождавшей его и в период заграничной работы, получалось не очень. Слишком хорошо его знала, слишком тонко чувствовала фальшь. И не попыталась вывести на чистую воду, что свидетельствовало об одном: ей понятна серьезность положения – «ласты могут склеиться», раз за спиной исхудавшего и хриплого мужа появился доктор, стоявший на границе жизни и смерти. Тот ей не нравился, поскольку любил рассуждать о страшных болезнях и именитых пациентах, естественно, уже давно почивших в бозе. Фамилий живых не называл – врачебная этика.

– Приготовь мне одежду и прочее. Максимум на день-два, слегка поддержи финансово отечественную медицину. Ей же надо окупать дорогостоящую аппаратуру и высокооплачиваемый персонал.

– Хорошо, дорогой. Только звони и держи в курсе. Если завтра не вернешься, я сразу приеду.

– Хочешь проверить, не соблазнили ли меня молоденькие медсестры. Мандарины привезешь для конспирации. Ха-ха!

Минувшей ночью они занимались любовью. Интенсивно, чувственно и с ноткой отчаянья, будто оба понимали, что в будущем такое может не повториться. Хотя, почему «будто»: Матвей уже знал, что будущее ничего хорошего не принесет; Анна чувствовала, с мужем не порядок. После он сделал вид, что заснул. Потом она сделала вид, что заснула. Затем мужчина беззвучно ушел в свою спальню, а женщина тихо плакала. Она не произносила слов, отказываясь доверить второй сигнальной системе сокровенные и жуткие фантазии. Не стала делиться ими с пустой темнотой. О том, чтобы пойти к супругу, даже не подумала, понимала, что ему лучше побыть одному. Вернее, ему плохо, настолько плохо, что не желает об этом говорить. Как всегда пытается в одиночку найти выход. Только есть ли выход?

Зимовка в полевых условиях – тяжелое испытание. Заваленные снегом, придавленные плотной облачностью горы укрывали от рейдов федеральных сил, однако выжить в сыром блиндаже суждено не каждому. Холод и нехватка продовольствия – верные союзники болезней. Молодым боевикам проще – пусть часто простуженные, с землистыми лицами – они весной вновь наберутся сил. Старшим сложнее: вечный гайморит, головные боли, гнилые зубы, ревматизм и прочие «радости». Сегодня хоть печку можно истопить, согреться, просушить одежду, приготовить горячую пищу. В такую погоду русский беспилотник не сможет угледеть дымок, по трубе выходящий на поверхность, чтобы рассеяться через ствол трухлявого дерева в густом лесу.

Впрочем, здесь, в глуши, где граничат чеченские и ингушские земли, террористы зрелого возраста – исключение. Короток век того, кто встал на путь вооруженной борьбы с Москвой и своими соплеменниками, желающим мира и спокойствия. Местные силовики, ФСБ, ГРУ и МВД резко сократили продолжительность жизни полевых командиров и их припешников – редкий доживает до 30 лет. Знамя джихада спасти не может. Его пробивают пули, разъедают микробы, обесцвечивает страх смерти.

Муса знал об этом не понаслышке. Едва передвигая опухшими ногами, с трудом выбрался через узкий лаз и впервые за несколько недель оказался на свежем воздухе. Многолетнюю бороду пришлось сбрить, провонявшую дымом и потом одежду заменить, тело кое-как обтерли водой с уксусом. Лицо, испещренное язвами, было обращено к небу, пока телохранители спускали его на волокуше по горным склонам. В авангарде – охранник, снимающий оборонительные растяжки. Другой – в арьергарде – замечает следы, вновь устанавливая гранаты. Лишь сопение и кашель простуженных людей да редкие стоны живого груза нарушали тишину. И так час за часом. Долог путь по колено в снегу. Пар валит от выбивающихся из сил боевиков.

Последний из вождей чеченских войн умело избегал облав и засад, отсиживался в лесных берлогах, организовывал теракты на Северном Кавказе и в крупных городах России. Сложная система связи и исключительные меры безопасности его сильно ограничивали, зато позволили уцелеть. И вот не солдаты, а подорванное здоровье заставило покинуть тайное убежище и пробираться вниз к людям. Он устало прикрыл глаза: падающие снежинки успокаивали красное от аллергического раздражения лицо, качка убаюкивала. Сопровождающий опустил полог спального мешка, привязанного к волокуше. «Слаб амир, а дорога длинна!»

Врач-турок, с огромным трудом доставленный осенью на стоянку в «зеленке», диагностировал глубокое поражение почек и дал срок: «максимум полгода». Альтернатива – лечение в клиническом стационаре, которое надолго продлит его существование, пусть и с постоянной необходимостью гемодиализа. Привезенные иностранцем лекарства лишь замедляли соскальзывание к смерти. Муса только недавно нашел вариант выхода через заслоны федералов, которые зимой снизили активность в непроходимой местности. Надежные люди, числящиеся сотрудниками правоохранительных органов, подготовили маршрут, раздали взятки, организовали транспорт и документы.

Глава 4 Диагноз

Рефрижератор медленно полз по серпантину. Слева обрыв, справа скалы. На повороте водитель остановился и с трудом удерживал тяжелую машину на тормозе, не давая скатываться под уклон. «Уроды, не могли выбрать ровную площадку. Что с них взять – лесные звери, – поежился, вспомнив, как «работодатели» обещали в случае провала сжечь его дом. – Ничего не поделаешь, придется совершить рейс». Он не смотрел назад, ибо не хотел видеть их лиц, но слышал, как хлопнули дверцы изотермического фургона, затем металлический шум открывания-закрывания секретного люка. Специалисты из числа шайтанов устроили тайник внутри и тщательно замаскировали. Чтобы на блокпостах собаки не унюхали пассажира, в кузов загрузили лук, чеснок и остро пахнущие маринады. Стенки и пол опрыскали какой-то химией.

Один из боевиков махнул рукой. «Слава Аллаху, можно ехать. Впереди два дня пути. Выживет ли пассажир?» От ответа на вопрос зависела судьба семьи и, хотя дальнотойщику то неизвестно, очень большого числа людей. Ему еще предстояло забрать ящики банок с соленьями в двух селах, чтобы машина была полностью загружена перед путешествием на север. Порой то сзади, то спереди появлялась невзрачная «лада», сидевший за рулем пособник с правильными «корочками» контролировал транспорт. Ему не сообщили о грузе, лишь приказали вмешаться, если возникнут проблемы. Спереди шел столь же неприметный «ниссан» с двумя боевиками, проверявший трассу. Один раз они тормознули фуру на час с лишним: переждали, пока на межрегиональном посту ДПС отключат автомобильный рентгеновский сканер. Стоило его оператору закончить смену, как движение возобновилось.

Муса ни о чем таком не размышлял: ему вкололи сильную дозу снотворного. Хотя турок и предупреждал, что больной может не перенести путешествия, другого решения придумать не удалось. Мрачные бородачи, вооруженные до зубов, забрали привезенное рефрижератором продовольствие – в основном лапшу быстрого приготовления и шоколадные батончики – и начали медленное восхождение в горы, к спасительной каменной норе, прикрытой бревнами. Сыпавшийся с утра снег, как и обещал прогноз, усилился, скрывая их следы. Только старый лис, промышлявший у дороги объедками, заметил бандитов и, выждав, потащился следом в напрасной надежде: «Вдруг съестное выбросят по пути?»

Центральная клиническая больница, созданная полвека назад для обслуживания советской номенклатуры, медленно приходила в упадок. Новая элита России предпочитала лечиться за рубежом. Нет, корпуса стояли, оборудование потихоньку обновлялось. Но исчез прежний дух исключительности, а с ним и аккумулированный опыт медперсонала. Светила медицины вымерли или были уволены эффективными менеджерами, взявшими под крыло огромное хозяйство на десятках гектаров леса. Получил извещение о предстоящем сокращении его должности и ведущий анестезиолог-реаниматолог. Оттого рабочий день стал грустным. Особенно тяжелым выдался вечер.

– Матвей Александрович, – Виктор использовал форму официально-больничного обращения, готовя пациента к плохим новостям, – у вас выявлен рак легких второй степени. Конечно, надо дождаться результатов биопсии, но всё, – пошелестел бумажками в медицинской карте, – указывает на тяжелый диагноз.

– И, – Алехин по лицам и недомолвкам других врачей еще раньше понял, что дело швах, – какие варианты?

– Не буду обманывать, – друг продолжил, уже с некоторым облегчением, выполнять нелегкую миссию, которую – к его чести – не перепоручил коллегам-онкологам, – времени мало, меры нужно принимать немедленно.

– Химиотерапия?

– В комбинации с лучевой.

– Шансы?

– Есть, хотя и скромные.

– Сколько мне осталось?

– Год максимум, если сдашься.

– А если бороться по полной программе?

– Лгать не стану: тридцатипроцентная вероятность выживания на горизонте в пять лет.

– Кроме правды ничего не жду. Операция потребуется?

– Видишь ли, сначала терапия должна обеспечить сокращение опухоли, – пояснил доктор, – хотя бы на четверть, лучше на треть. Нужно убрать раковые клетки из лимфатических узлов.

– Такое возможно? – бывший шпион уже уловил общую ситуацию, но по привычке хотел получить максимум важных деталей. – Можешь привести статистику?

– Возможно с Божьей помощью. А цифры грустные. В России ежегодно диагностируют онкологические заболевания у пятисот тысяч человек, а умирают триста тысяч. Рак легких выявляется у ста тысяч. Твой случай из разряда типичных.

– Но я же не работал на шахте, никогда не курил, – отчаяние начало пробиваться через стену самоконтроля, и Алехин с силой стукнул левым кулаком по правой ладони. – Почему у меня?

– Да, курильщики и работники с вредных производств – основной контингент. Только сам знаешь, какой в наших городах воздух.

– Я живу в самом конце Рублевки, где воздух ничем не загажен, до того двадцать лет шпионил в Скандинавии, где атмосфера еще чище, – больной пытался объяснить медику невозможность случившегося, как будто это имело значение и могло что-то изменить.

– Трудно указать на конкретную причину. Может быть генетическая обусловленность. Или когда-то подвергся воздействию радиации, скажем, из-за аварии в Чернобыле, – старался хоть на что-то указать пальцем Виктор, гадая на кофейной гуще.

– Нет, родня у меня таким не страдала. Да, и с радиоактивными материалами контакта не имел, – начал возражать полковник и осекся.

Вспомнил давнюю операцию «Пакет» в Афганистане, когда купил согласие лидера моджахедов на перемирие. Тогда пришлось применить скандий-46. Период его полураспада не позволил боевикам использовать *афгани* до полного вывода советских войск из страны. «Боже, как давно то было! Неужели проклятый изотоп поразил не врага, а меня? Старые грехи не забыты?» Догадка смахивала на бред и подлежала отторжению. Только психика настойчиво требовала возложить вину за случившееся на кого-то. КГБ подходил идеально, с его-то репутацией.

Матвей молча встал и ушел в палату. Домой ехать не имело смысла, а мобильник отключил еще утром – ему нечего сказать жене, пока нечего. Ночь предстояло провести, переосмысливая существование, точнее – его крохотный остаток. Пусть лучше Виктор позвонит Анне, подготовит к тяжелому разговору о будущем. Алехин еще не знал, станет ли оно полем битвы с собственным взбесившимся организмом или капитуляции перед мутировавшими клетками, убивающими свою обитель – его тело. Навскидку обе перспективы имели серьезные недостатки. И главный среди них – смерть. Быстрая и легкая во втором случае. Медленная и болезненная – в первом. Третий вариант не просматривался. Шпионская изворотливость и смекалка тут помочь не могли. Оставалось надеяться на удачу. До сих

пор помогала оставаться в живых. Но, похоже, нынче не тот случай. Волна жалости к самому себе и чувство бессилия впервые за взрослую жизнь захлестнули матерого оперативника, которого избранные прежде знали под псевдонимом товарищ Григ.

К середине ночи спасительная дрема смежила его веки. Мелькали случайные картинки, обрывки воспоминаний, наконец, из хаоса выкристаллизовалась тема животного мира и детства. Вот, мальчик лежит на тахте в полутемной комнате сталинской коммуналки. Тихий шорох прервал послеобеденный сон – на полу появилась крохотная, отчего-то очень страшная мышка. Боясь пошевелиться, малыш затаил дыхание: вдруг хвостатая его услышит, заберется под одеяло и ... Шум в коридоре отправляет грызуна назад в норку.

Новый скачок подсознания: мальчишка подросток и с дворовыми товарищами загнал крысу за сарай. Меткий бросок камня и можно тащить мертвую добычу домой, крутя за жесткий хвост. Мама в панике схватилась за сердце. Материализовавшийся вечером папа хвалил: «Молодец, в следующий раз выследи, где крысиное гнездо, и расскажи – вместе отравим». Резкое пробуждение. «А я не забыл тогда помыть руки, как велел отец?». Больше заснуть не удалось, мозг включился, формируя план действий на оставшиеся месяцы. Требовалось предусмотреть всё – перед смертью мужчина должен позаботиться о семье, привести в порядок финансовые дела, примириться с собственной совестью, попрощаться с друзьями.

С похоронами определился давно: с детства привыкшему скрывать свою клаустрофобию Матвею не хотелось даже думать, что придется вечно лежать в тесном, закрытом гробу. Не привлекала и сама идея упокоиться на кладбище, в окружении разложившихся трупов, под камнем с датами рождения и смерти. Никому покойники не нужны, родные редко ходят на могилы. Нельзя, чтобы Анна рыдала на четырех квадратных метрах, окруженных железной оградкой. Лучше обратиться в золу, и пусть ее рассеют на лугах, где ему уже не гулять с собаками. Когда сухую траву по весне сожгут, то пророчество «пепел к пеплу» сбудется. Может, любимые репейники на будущий год станут еще краше. Прелестно сочетание нежного фиолетового окраса *Arctium* с цепким и жестким характером растения.

*Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье.
(Басё)*

Глава 5 Доставка

Бомбила правой крутил баранку, левой курил. Рингтон пронзительно потребовал третьей руки. Пришлось взять мобильник правой, доверив руль коленям. Пассажирка с ужасом наблюдала за цирковым номером в плотном трафике.

– Такси на улицу Ленина, дом 7, квартира 3, – попросил глухой, с гортанными перека-
тами, голос.

– Лады, – водитель едва смог ответить – от волнения перехватило горло, – минут
десять.

Кабардинец ожидал звонка уже три недели и всё же забыл часть из полученных
инструкций. Вместо того чтобы любезно отделаться от дамы, которую вез с рынка, резко тор-
мознул посреди эстакады над железной дорогой, и, распахнув заднюю дверь, силой выволок
перепуганную женщину из машины.

– Проваливай дура!

Услышанный адрес являлся паролем – молодой горец усёк сразу. Как сказал «Торгаш»,
данная ездка крайне важна и секретна. Груз – не обычные наркотики или оружие, а «дядя».
Оплата – хорошая. И еще велено забыть всё увиденное.

На подъезде к овощебазе – столпотворение. Фура с номерами 20-го региона ничем
не выделалась, зато бросался в глаза стоявший рядом дальнобойщик в футболке «Зенит».
Конечно, в Краснодаре, где и зимой не слишком холодно, можно встретить легко одетых
людей, но только не поклонников питерского клуба. То был второй – вещественный – пароль.

Заехав на тротуар, в южном стиле парковки, бомбила подошел к грузовику.

– Земляк, ты не из Бамута будешь?

– Не, из Ачхой-Мартана. Что хочешь, уважаемый?

– Черемша нужна. Лучшая, говорят, из Бамута.

– Залезай в кузов, дам попробовать из Ачхой-Мартана, – дальнобойщик с облегчением
воспринял заученный пароль и стремился поскорее избавиться от тайного пассажира, что
подсел на перевале. – Пальчики оближешь, мамой клянусь.

В холодильнике они вскрыли люк тайника и извлекли Мусу. В полусознательном
состоянии тот мычал и двигался с трудом. Спустив его на землю и усадив в «такси», подель-
ники расстались. Дальнобойщик занял очередь на разгрузку товара, размышляя, как бы
вымыть загаженный тайник. Кабардинец двинул по периферийным улицам. На дорогу перед
собой смотрел мельком – главным образом разглядывал и запоминал автомобили, идущие
следом. Слежки, вроде, не видно. Маршрут ему велели заложить часовой, но важный пасса-
жир выглядел и пах так жутко, что шофер сократил проверку и через полчаса сдал «гостя»
на руки «Торгашу» у его домика на окраине. «Послезавтра подъезжай в 8.00. Отвезешь дядю
в аэропорт», – прозвучал приказ.

Ну, то будущее, а сегодня доставка прошла без проблем, и требовалось снять стресс.
«Сделаю жене сюрприз, заеду пообедать, – решил обладатель серебрястой «приоры»
с затемненными стеклами. – Только свежих лепешек прихватчу по пути». Когда клал попку
в багажник, увидел в нем пакеты с рыночными харчами. «Та тетка забыла, – хохотнул. –
Вот повезло!» По сути был прав, только не знал, кому именно везенье окажется на руку и
в какой степени.

Бен Султан никогда не терял оптимизма, даже в 2001 году, когда его соотечественники
совершили воздушные теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне. Их связи с посольством Сау-

довской Аравии прослеживались четко, ФБР вышла на след. И, о чудо, ему – послу Эр-Риада – удалось вырваться из США, прихватив членов королевской семьи и оставшихся членов американской ячейки Аль-Каиды. Руководство ЦРУ пробило разрешение на вылет частного самолета, хотя авиасообщение было полностью остановлено. Потом, возглавив разведку Саудовской Аравии, он сумел еще больше укрепить отношения с американским разведсообществом.

Однако в данный момент пессимизм отравлял разум. Не помогали ни роскошный дворец, ни райские кущи вокруг него. А может, и мешали: в свои шестьдесят Принц помнил те времена, когда кондиционеры являлись редкостью, а большинство саудитов жило в палатках. Увы, бедуины, чью страну озолотила нефть, предали прежний – простецкий – образ жизни, превратившись в заложников материальных благ западной цивилизации. Вместо сухих и быстрых стали толстыми и степенными. Раньше мечом и огнем создали на полуострове *халифат*, теперь его пределы стерегли заокеанские *кафиры*. Нет, умудренный вельможа не роптал и не брюзжал, беспокоило иное – полная зависимость Саудовской Аравии от военно-политической поддержки Запада.

Она покупалась давно и постоянно вложением десятков миллиардов в оружие, произведенное в США и Европе. В обмен на нее приходилось поддерживать американские интервенции на Ближнем и Среднем Востоке. Но пакт с дьяволом переставал работать, гарантия безопасности королевской семьи и её власти исчезала на глазах. Последними каплями стало свержение авторитарного режима в Египте, также подписавшего кровью союз с Вашингтоном, и заигрывание Белого дома с Ираном, от такого союза отказавшегося. Требовалось найти дополнительных гарантов, а они не горели желанием поддерживать архаичный режим суннитских принцев и *улемов*. В меняющемся мире перемены неизбежны, вот только король и его братья не хотели перемен.

Грустные мысли необходимо развеять – взял в руки планшетник. Открыл поступивший файл и углубился в изучение резюме. Кандидатки из Америки и Европы мечтали поступить не на службу в разведку, а стать новыми секс-служанками в гареме. Официально саудитам разрешено иметь четырех жен, на «обслуживающий персонал» ограничений нет. Бен Султан пристрастился к «эскорт-услугам», работая в Штатах, и до сих пор держал там специального закупщика, вербовавшего за приличные деньги студенток. Кроме безупречной медицинской карты, отсутствия вредных привычек и внешних данных от них ожидалось также умение поддержать разговор и развлечь господина вне постели.

«Эта брюнетка очень ничего, – стареющий перфекционист смаковал видео, – между ягодичками такая пикантная щелочка, расширяющаяся книзу – так и тянет потрогать, лизнуть, проникнуть. Вульва без единого волоска, словно у девочки – тщательная депиляция! И пяточки розовые, как у новорожденной. Надо запросить допматериал по темпераменту и складу характера». Чем меньше половых актов оставалось совершить, тем тщательнее относился к подбору влагилиц и иных телесных отверстий, которым предстояло принять его семя. Араб ощутил нарастающую эрекцию, представив, как горячая струя ударит брюнетке в небо и гортань, заставит себя проглотить.

Где-то на периферии сознания не к месту всплыла оценка: «Толковый андролог в госпитале имени короля Фейсала. Верный курс гормональной терапии прописал, вон, как *зиб* налился кровью! И без *виагры*! Примета к удаче!» – рука автоматически потрогала набухшую плоть под плотной шерстяной накидкой *бишит*, скрывавшей прикрытое длинной белой рубахой расплывшее тело.

Дальше память услужливо подсказала, что в госпиталь на лечение должен прибыть уважаемый моджахед. «Аллах милостив, поправится. А там посмотрим, как использовать». Кроме секс-связей Принц придерживался строго потребительского подхода ко всем людям, кроме семьи, конечно. А потому ценил профессионалов, искал их, оберегал. Ожидаемый

гость относился к их числу – за двадцать лет сумел убить сотни или тысячи неверных, а сам уцелел. Ну, почти: врачи выяснят, что не уцелело, и можно ли это поправить. Предстояло понять, разумно ли оставлять в королевстве лидера антирусского *джихада* или отправить в княжества Персидского залива.

Виктория с умилением и горечью обнимала ребенка, такого родного и близкого, но принадлежащего не ей. Мальчик подошел за руку с мамой. Здесь, в парке Монсо, они виделись часто – младшая сестра с супругом-миллиардером купила верхний этаж по соседству с Елисейским дворцом. Старшей – фешенебельный 8-й округ Парижа не по карману. Поэтому суррогатная мать малыша и приезжала на метро из скромной квартирки в пригороде. В который раз она про себя проклинала дьявольскую сделку, когда пришлось выносить дитя, родившееся из яйцеклетки Ленки, оплодотворенной спермой ей мужа. Отдала не за так, взамен получила возможность жить в Москве и даже во Франции, приблизилась к миру нуворишей, став личным секретарем у сестренки.

Прошли те времена, когда нынешнюю Элен можно было трепать за косы и ставить в угол. Девчонка сумела вырваться из захолустной Винницы и стать международной моделью *Lenka*. В 21 год выскочила замуж за владельца химических предприятий в России и вертела им, как хотела. Вплоть до того, что отказалась портить фигуру родами и подписала контракт с Викторией. А что последней оставалось делать? Украинская экономика развалилась, и Вика потеряла работу в рекламном агентстве. К тому же бросил единственный мужик, который ее терпел, как выяснилось, из-за хорошей зарплаты. Приехала приживалкой в Париж, без денег, без шансов устроиться по специальности. Одна отрада – Марк, смысленый, беленький мальчуган.

– Марчелло, любимый мой, – тридцатилетняя украинка причитала, словно бабушка над внуком. – Ты соскучился? Я тебя не бачила с тех пор, как ты уехал на рождественские каникулы.

Правильно расценив детский лепет, как утвердительный ответ и признание в любви, Вика подняла глаза на юридически законную мать ребенка. И опять, как и всегда, удивилась: «Что в ней такого уж привлекательного?» Сколько помнила, вокруг Ленки с юных лет вились парни и мужчины. Самой же Виктории катастрофически не везло с поклонниками, хотя сестры поражали сходством. Обе высокие, стройные брюнетки с крупными, словно вишни, живыми и сияющими глазами. Даже размер был один. После родов, понятно, рекламщица уже не могла донашивать одежду с плеча модели. Общий итог: старшая выглядела милой и симпатичной, младшая – красивой и обольстительной. И еще: Всевышний дал первой доброту, второй – чары.

– Не тарахти, – Элен прервала обнимашки суррогатной мамы и ребенка. – Мы чуть покатались на лыжах в итальянских Альпах, а потом задержались на озере Комо. Мишаня обожает тамошнюю виллу. Погода стояла плохонькая, а он купался в открытом бассейне. Хоть там есть подогрев, всё равно – псих! Сколько ни плавает, брюхо меньше не становится. Правда, там новый мажордом – чудо хорош. Элегантный и за мной ухаживал, умора!

– Дождешься, Михась тебя за патлы отгаскает! Или из дома выгонит!

– Ой, испугала. Его дружки так на меня смотрят! Можно любого брать за хобот, если мой дуралей зафордыбачит. Я в обойме, сама могу выбирать следующего мужа. Только скучно с папиками, хочется назад в модельную тусовку. Кстати, реже стали звонить из агентств с предложениями. Ты подумай, как напомнить обо мне. Надо к лету сообразить гламурно-скандальную хрень. Сечешь?

– Секу, – Викторией хотелось скорее избавиться от родственницы и босса. – Ты же спешишь. Беги, мы с Мар кушей погуляем.

– Ой, уже опаздываю на бранч. Ты его отведи домой и передай няне не позже полудня, – напомнила модель и удалилась, включив походку от бедра. Не столь утрированную как на *дефиле*, но достаточно сенсуальную, чтобы попавшийся навстречу *agent de police* инстинктивно одернул тужурку и проводил голодными глазами. Его бедненькая униформа, типа почтальонской, не произвела впечатления на красотку – настроение парижанина упало.

«Блин, *вау-эффект* девка производит везде и всегда», – беззлобно позавидовала женщина, вспомнив прошлогоднего *carabinieri* в Риме. Итальянец, шикарно экипированный в мундир, смоделированный *Valentino*, пристал в кафе как банный лист. «Обаятельный, куртуазный, и рост за 180, – нахлынули воспоминания. – Хорошо, что тогда подъехал Михаил, и Ленке пришлось срочно перебросить обожателя мне. Волшебный парень! Какая у него оливковая кожа, твердая задница. Требовательные замашки в постели, чуть странноватые и возбуждающие. Ой, мамочки! Появись сейчас здесь, дала бы ему прямо на скамейке! Так бы и съела! Горячий! Не то, что хладнокровные и расчетливые лягушатники».

Упругая украинская грудь еще поднапряглась, изголодавшуюся по сексу женщину уносило. И забылось, что тем утром самой пришлось платить за снятый номер отеля: пока отмокала под душем, любовник натянул галифе с красными лампасами и, прижав высокие сапоги к груди, на цыпочках смылся. Викина добрая душа уже привыкла к тому, что её бросали, как только использовали. Хотя чаще её и не поднимали, как удалось карабинеру в ту ночь. Память – избирательна, прокручивает или очень хорошее, или очень плохое. Нередко – по выбору владельца.

Раздавшийся детский крик прервал воспоминания. Виктория устремилась к копии пирамиды римского консула Гая Цестия, возле которой Марк кулачками налаживал контакт с девочкой. Опять же его модное, но непрактичное пальтишко требовалось застегнуть: воздух казался холоднее +10 градусов, когда с Сены задувал ветерок. Маме следовало оберегать ребенка, пусть по закону ей и не принадлежавшего.

Тетка приходилась тещей зам. нач. ГИБДД города, и «дурой» её назвать мог только легкомысленный незнакомец. Она запомнила цифры номера «бомбилы» и марку авто – «чем выше горы, тем ниже «приоры». Вечером пожаловалась зятю.

– Черно***е достали, срама не имеют, басурмане, – вещала за домашним столом кубанская казачка, – кусок изо рта вынимают, на ходу подметки режут, грабят среди бела дня, на улицу не выйти.

– Твой контингент, – кивая крашенной платиновой головой, вставила жена. – Нынче маму обидели, завтра детей, а там и меня изнасилуют!

– Размечталась! – по привычке занял оборону полицейский, но подняв на супругу глаза от тарелки с борщом, сменил пластинку, – Разберусь и накажу. Дрючить надо, чтоб не борзели!

– Правильно, – одобрили женщины и одновременно потянулись к запотевшей бутылке, чтобы налить очередную стопку кормильцу и защитнику.

Опрокинув ледяную жидкость в рот, майор засунул указательный палец между шеей и воротником форменной рубашки, покрутил головой. Новых идей не приходило, решил использовать традиционный способ, незамысловатый и эффективный. «Говнюку – конец, – глава семейства вынес не подлежащий обжалованию приговор. – Закрою года на два». Двое присяжных одобрительно загалдели. Судебное заседание окончилось, хотя официально следствие начнется лишь через пару дней.

Глава 6

Правление

Хозяева компании сидели с багровыми физиономиями, высшие менеджеры – с красными. Сказано много, а взаимоприемлемого варианта по дивидендам нет. Формально решение принято – весьма скромное и обидное для акционеров-миноритариев: им заплатят копейки. Основная прибыль формировалась вдали от России, в оффшорном режиме. Относительно её распределения и возник конфликт.

Михаил Красько, а ему принадлежал контрольный пакет, настаивал на «аккумуляции средств для последующего инвестирования». Магомед Магомедов, имевший треть акций, требовал «распилить бабки по-честному», то есть немедленно. Он сколотил свою долю в кредит, выкупив у прежнего владельца. Выплата процентов по займу казалась затруднительной на фоне отсутствия дивидендов, а предстоящее погашение выглядело невозможным. Красько об этом знал и не собирался помогать конкуренту, зарившемуся и на его акции. О чем они могли договориться? Кто кого сожрет?

В шикарном офисе на 45-м этаже в московском Сити висел топор, вероятно, даже несколько. В табачном дыму (О, запреты на курение в общественных местах!) они скоро пригодятся: такая намечалась рубка. Первым не выдержал более молодой южанин, чья кровь бурлила даже при температуре 36,6.

– Миша, ты нарываешься! Смотри не пожалей!

– Ты МНЕ угрожаешь, Магомед? К последствиям готов? Обдумай еще раз мое предложение по использованию временно свободных средств.

– Кончай трепаться про «стратегию развития». Не хочешь по-хорошему баблом поделиться, так и скажи. Тогда я буду действовать по-своему.

– Поступай, как знаешь. Мое решение твердое.

Твердым являлся и косяк, о который вышедший Магомедов с грохотом хлопнул дверью. Её матовое стекло вдруг стало ледяным с прожилками, а затем с шорохом рассыпалось на крупные кристаллы. На пороге конференц-зала образовалась горка «льда». Стало тихо-тихо, пока Красько не забарабанил пальцами по налитому животу. Младшие зверьки почувяли, что у вожака улучшилось настроение, он выиграл битву. Между тем крупный мужчина, успевший к пятидесяти годам, нарастить не только жир, но и состояние, не собирался упиваться победой. Закаленный в корпоративных боях удачливый бизнесмен понял: «В голове Маги клубится туча, темная и недобрая. Надо готовиться к рейдерскому захвату».

– Господа, спасибо за проделанную работу. Отчетный период вышел удачным. Особой благодарности заслуживают усилия по расширению экспорта наших удобрений в Китай. И, безусловно, налоговое планирование в компании стало более креативным. Ну, вы понимаете, о чем это я.

Раздался дружный хохот облегчения. Небо прояснилось, буря стихла.

– Соответственно и бонусы за истекший год, уверен, вас порадуют. Заседание правления закончено. И проветрите здесь, а то некоторые «коллеги» не уважают права других, – Михаил не удержался и бросил камень вслед Магомедову, – заядлому курильщику и беспредельщику.

Самолет оторвался от полосы и почти сразу повернул на юг. Пассажиры чартера из Краснодара – главным образом провинциалы – оживленно готовились отметить исход в теплые края. Собственно, некоторые еще на земле начали обмывать предстоящий отпуск в Египте. Один из них, судя поговору, житель Кубани, толкнул локтем соседа: «Откуда

будешь?» Не получив ответа, инициатор несостоявшегося задушевного разговора отвлекся от открывания бутылки и перевел взгляд на молчаливого собеседника. Тот сделал вид, что дремлет. Это было легко: после дальнего путешествия в холодильнике и треволнений, связанных с преодолением пограничного контроля в аэропорту.

Паспорт ему сделали давно, настоящий, само собой, на чужую фамилию. Компьютер ФСБ не возражал против выезда, и молоденький прапорщик шлепнул штамп. Очередной страждущий отправляется к Красному морю лечить болячки, покрывавшие его лицо, руки и, наверное, другие части тела.

– У вас срок действия паспорта заканчивается через два месяца. Не забудьте получить новый.

– Обязательно. Вот съезжу поправить здоровье и сразу.

Пограничник передернул плечами от неприятного зрелища и упустил шанс проявить бдительность. В итоге лишился правительственной награды и внеочередного звания, позволив главарю террористического подполья скрыться от правосудия. Муса медленно втянул воздух, сдерживая радость. Впереди ждал арабский мир, где спонсоры мирового джихада окажут гостеприимство.

«Что там турок болтал про пересадку почки?» – впервые за долгое время забрезжила надежда. Оставалось три часа лету, придется потерпеть пьяного русского рядом. Тому повезло: боевиков-охранников на борту нет, горло не перережут. А Мусе хотелось бы. И под воспоминания о горячей крови, хлещущей на холодный снег, слабый организм погрузился в забвение. Сновидения не приходили, только короткие провалы во тьму, где блуждали еще более темные тени. «Шайтаны или сам Иблис?» Исламский аналог Сатаны казался не злым и враждебным, как в Коране, а манящим и привлекательным.

Почки не справлялись с очисткой крови, токсины отравляли сознание Мусы. Или яд пропитывал и его душу? Он об том не размышлял, привык к мраку внутри себя и находил там убежище. Каждое погружение в него являлось опасным и чреватым, ведь однажды из забвения не выбраться. Сегодня умирать нельзя, пусть умрут другие. Подшефные «амиры» из Дагестана должны провести два взрыва в российском городе-миллионнике, отвлечь внимание от бегства. Потом дадут дезу в эфир о его смерти в горах. Темнота вновь ожила, пошла волнами, в глубине кто-то двигался.

Большей пытки Алехин не мог представить – объясняться с женой, сыном и невесткой по поводу бунта ДНК, вылившегося в войну на истребление собственных клеток. Нет, ему хотелось семейного тепла и поддержки, но не сочувствия и соплей. Как индивид, больной раком часто обречен, однако его родные не должны страдать с ним до конца и постоянно. Так, во всяком случае, Матвей решил в ту первую, бессонную ночь. И разработал концепцию борьбы: управлять остатком жизни, взять под контроль смерть. Предстояло пройти муки онкологических процедур и, возможно, операции. «План Б» предусматривал самый плохой вариант – летальный. Именно его последствия для близких желательно ограничить. Получится?

– Что ты, милая, химиотерапию мне будут делать амбулаторно, – вещал обитатель палаты, которого обещали отпустить домой. – Придется сюда мотаться, но не валяться же здесь постоянно.

– Буду тебя возить на процедуры, – безапелляционно заявила Анна, входящая в роль мамы захворавшего ребенка.

«О, Боже, станет опекать и сюсюкаться!» – муж растроганно наблюдал, как жена уже спокойнее поглаживала волосы, чья шелковистая текстура ему так интимно знакома. Никогда не знавшие краски, они в последние годы медленно теряли цвет, становились бледнее. И, тем не менее, хвост сохранял природную мягкость и силу, казался пропитанным све-

том. Мужчина не видел модного наряда, специально подобранного супругой для посещения больницы, не замечал, какие у нее украшения, не запомнил яркой сумки, которую теребили её пальцы. Лишь порозовевшее лицо и золотистый ореол вокруг заполняли поле зрения. Да, и к чему лишние подробности? Только память забивать, а именно память хотелось сохранить.

– Степа, – отец намеревался сделать важный ход, а потому требовалось временно убрать со сцены сына и жену, – проводи маму к моему врачу. Она хочет уточнить подробности у Виктора Петровича. И ты с ним заодно познакомишься. Я пока с Ксюшей поболтаю. Потом её отпущу.

Когда в палате остались двое, тон разговора резко изменился.

– Ксения, ты не ждешь ребенка?

– Нет, что вы!

– Зря! У меня к тебе поручение: срочно забеременеть.

– Шутите, Матвей Александрович?

– Хотел бы, только говорю серьезно. Ты у меня в долгу, – грубовато напомнил Матвей о том, что девушка вышла замуж за его сына и вообще осталась в живых в результате действий разведчика в ходе операции «Шиа». – Пора платить по счетам.

– Я вам за многое благодарна. Только объясните: к чему такая срочность? – зеленоглазая шатенка явно недоумевала, хотя по опыту знала, каждый шаг тестя всегда тщательно продуман. – Степа, наверное, еще не готов заводить бэбика. Мы и не обсуждали эту тему еще.

– Столь важное решение принимает женщина. Ей выбирать, хочет она дитя от данного мужчины или нет. Если любит, то хочет. Что до причины моей настойчивости, то она проста – хочу увидеть внука или внучку до своей смерти. Времени в обрез.

– А вдруг вы не ...

– Не умру? Тогда будет двойной праздник. Пообещай, что выполнишь мою просьбу и ничего о ней не скажешь Степке или Анечке.

– Обещаю. Правда, Степаше может не понравиться, если я без его согласия ...

– Дуреха! Разве не замечаешь, как он тебя обожает, как ест глазами, когда ты не видишь. Это – любовь! Ребенок, рожденный в любви – чудо! Дар судьбы! Счастье родителей! – смутившись патетики, мужчина умолк.

Да, и к чему продолжать, когда задуманная комбинация начата успешно. Взгляд девушки затуманился, она ушла в себя. По дороге из больницы помалкивала, а ближе к дому протянула руку и стала щекотать кудри на загривке мужа. Никакого вожделения, просто ласка. Тем не менее, Степа, мощный высокий блондин с отцовскими чертами лица, улыбнулся, предвкушая скорое чувственное соитие. Глупыш думал, что угадал. Разве можно понять женщину? Даже если та моложе тебя и не жила в Америке. Компьютерные таланты склонны переоценивать свою сообразительность. И, естественно, полагают, что умнее стареющего и больного отца. Жалеют его и не ждут подвохов.

Проводив домочадцев, Алехин быстро оделся и покинул больницу. Из машины позвонил сослуживцу Чудову. Тот недавно ушел с поста заместителя начальника внешней разведки и нынче обретался на руководящей работе в Общенародном фронте, созданном для поддержки Президента массами.

– И всё же, как вас представить? – секретаршу-инквизитора не удовлетворила ФИО абонента.

– Игорю достаточно моей фамилии. А вы, милочка, можете представить меня под душем, – схамил Матвей, излив на женщину гадкое настроение, причиной которого являлась вовсе не она. Не полегчало, стало стыдно. «Надо сдерживаться!»

Хамство или давнишнее знакомство с фронтовым лидером возымело успех. Соединение последовало моментально.

– Привет, дружище! Вопрос: есть выход на Вяземского? Хозяина лаборатории антивирусных компьютерных программ, Степкиного работодателя?

– Здравствуй, Матвей. Рад слышать. Что давно не звонил?

– Моя личность не слишком популярна наверху после миссии в Сирии. Не хотел тебя компрометировать. Так есть выход?

– Лично не знаком с ним, могу поднять нужные связи. Что требуется?

– Узнать в Москве ли субъект. Если да, то договориться о моей встрече с ним. Лучше, прямо сегодня.

– Сделаю, дай четверть часа. Сложная ситуация? Можешь намекнуть, в чем дело?

– Ситуация простая. Расскажу позже.

Бывший шпион нажал кнопку «отбой», раздраженный необходимостью обсуждать проблему здоровья, точнее его отсутствия, с «молодым» коллегой, для которого когда-то стал строгим наставником. И тут же вспомнил, что Игорю повезло: в ходе операции «Пакет» тот не вступал в контакт с радиацией. «Стоп! – скомандовал себе, уловив привкус зависти. – Вот и начались сдвиги в психике. Как в клинике и обещали. Пора фиксировать их на бумаге, корректировать поведение, а то крыша съедет».

Экран на приборной доске «мерседеса» загорелся ярче, входящий звонок, номер не определился – Чудов использовал закрытую систему связи.

– Вяземский у себя в офисе, ждет тебя, обескуражен. Адрес дать?

– Спасибо, знаю.

– Ты перезвонишь, когда захочешь поговорить?

– Не скоро. Бывай.

Стеклянная штаб-квартира сияла в зимнем полумраке. Бастион виртуального мира круглосуточно трудился, выискивая вредоносные штучки в интернете и корпоративных сетях, а заодно делая большие деньги на борьбе с ними. «Лаборатория» приютила выдающихся программистов и среди них Степана, с год назад вернувшегося из США на Родину. Четкая охрана – живая и техническая – быстрый пропуск на самый верх.

– Чай или кофе? Что-нибудь из еды? – любезно поинтересовался очкастый хозяин компьютерного заведения.

– Два стакана водки и огурец.

– Какую предпочитаете? Холодную или теплую? – Вяземский даже не поднял бровь, хотя оценил юмор.

– Извините, неудачно пошутил. Вам сказали, кто я?

– Да. Рад знакомству, Матвей Александрович.

– Собственно, у меня предложение. Деловое.

– Слушаю.

– Мой сын, Степан Алехин, может принести гораздо больше пользы, если вы назначите его представителем корпорации в США. У него есть *green card* и опыт работы на тамошнем рынке. Будет активно продвигать ваши программные продукты.

– У нас нет *reoffice* в Америке.

– Придется открыть.

– Подобные вопросы волонтеристски не решаются. Нужно обоснование.

– Дело срочное, поэтому буду краток. Откройте, пожалуйста, ваш личный компьютерный журнал за 13 октября прошлого года.

– Открыл и что? – хозяин начал демонстрировать признаки раздражения, пока легкие, так как гостя рекомендовали серьезные люди со Старой площади.

– Аномалии? Происшествия?

– Сбой в подсистеме технического контроля за помещениями, – затемнил истинную картину Вяземский, уже заинтересовавшись, откуда постороннему известно о взломе основного протокола безопасности.

– Полагаю, дело рук вашего сына Никиты и Степана, закадычных друзей. Позже следственные органы проверяли архив системы видеонаблюдения, не так ли?

– Действительно. Только ничего не нашли.

– Неужели, вам еще непонятно? Не хочется расставлять точки над «і».

– Нет, продолжайте, раз уж начали.

– Тогда просмотрите криминальную сводку за ту же дату, на любом новостном портале.

Какое событие идет под номером один?

– Убийство лидера кавказской ОПГ ... О! Вы хотите сказать, два эпизода связаны?

– Если вы дадите сейчас согласие на открытие представительства, то я промолчу.

– Договаривайте! – повысил голос и градус беседы хозяин кабинета.

– Я проводил операцию высшего уровня секретности. По заданию Кремля. ОПГ вмешалась, похитила подругу Степана и совершила ряд убийств. Её членов пришлось ликвидировать. А лидер оставался в стороне, и ребята...

– О, Небо! Их ищут? Бандиты? Полиция?

– Боевики убиты, следствие в тупике. Мои коллеги приняли необходимые меры.

– Уф! Значит, опасности нет. Тогда причем тут *reoffice*? Очередная шпионская история? Зачем вы пришли?

– Потому что я смертельно болен и не хочу, чтобы семья присутствовала при летальном исходе. Помогите мне отправить родных в Штаты, – в наступившей тишине проситель, он же шантажист, ждал ответа, от которого зависел план на оставшиеся месяцы.

– «Лаборатории» пора иметь представительство в Кремниевой долине, – после паузы и абсолютно ровным голосом произнес Вяземский. – Уверен, Алехин-младший будет в нем отличным руководителем.

– Если ЗДЕСЬ ситуация со следствием изменится, то, возможно, Степану ТАМ потребуется еще один представитель корпорации, – добавил гость. – Вы меня понимаете?

– Еще бы! Необходимые формальности займут пару месяцев.

– Буду признателен до гроба, – неловко пошутил Матвей. – И, умоляю, никогда, даже намеком, не затрагивайте 13 октября в общении с сыном. Я именно так и делаю. У ребят тяжелый груз на душе.

Глава 7

Заказ

Кабардинца тормознули, на выезде из аэропорта: «Стекла в машине затемнены с нарушением ГОСТа». Обычные шутки-прибаутки, а затем и купюра в тысячу рублей почему-то не помогли, проверка документов затягивалась. «Хорошо еще, что гостя успел посадить на самолет», радовался «таксист». Радость была недолгой, поскольку при обыске тачки нашли пакет «травки». «Откуда она? Может, кто из пассажиров обронил, – тупил парень, пока не въехал. – Менты подбросили, суки!»

Огорчившись, но не сильно, попал в ГУВД. Там следак прозрачно намекнул, что надо бы повежливее с клиентами, особенно с женщинами, тем более с родственницами руководителей полиции города. И сделав круглые глаза, быстренько отпустил под подписку о невыезде. Оказавшись на улице, подозреваемый пребывал в растерянности: «Что делать»? Одно решение принял, не раздумывая, словно породистая охотничья собака, которая инстинктивно знает, с какой стороны обогнуть куст, чтобы схватить скрывающуюся за ним добычу. Наверное, самое важное и верное решение: не рассказывать «Торгашу» о случившемся. И тем спас сначала свою свободу, потом и жизнь. Проболтайся, его бы сначала пытали, надеясь выяснить подробности, затем закопали бы в лесополосе. А пока он брел по улице пешком, что само по себе непривычно для бомбилы, и гадал, где достать новую тачку – старую оставили на штрафстоянке в качестве вещдока.

Магомедов давно покинул родной Дагестан, и, занявшись бизнесом в Москве, вырос из вёрткого деляги в крупного деловика. Собственно основной принцип деятельности не менял – дешево купить, лучше в кредит, и дорого продать. Если приобрел что-то не очень, то лучше оставить в качестве залога по невозвращенной ссуде, повесив на баланс банка. Ну, само собой, банковских менеджеров стимулировал. Обычно деньгами, иногда более радикальными методами.

Спецом по последним являлся земляк из Хасавюрта. Дома Рустам специализировался на вымогательствах – пиком карьеры стало похищение сына директора коньячного завода. Выкуп получить удалось, но парень, оказавшись на свободе, вскоре умер, ослабленный годичным заключением в яме на полевой стоянке пастухов. Его отец сильно обиделся. В итоге, сменив паспорт, уже Руслану пришлось перебазироваться в Москву. Участие в финансовых махинациях и давлении на уязвимые фирмы стало новой специальностью, более доходной и менее опасной лично для него, но не для выбранных жертв.

– Сделаем, Магомед, – сначала левой, затем правой рукой дагестанец огладил недельную небритость, словно бороду. По опыту знал: чужеродность жеста всегда вызывала неприятное ощущение у любого коренного москвича. – Пробьем через ментов адрес, выследим и накажем Красько.

– Нет, дело затеваю крупное, менты тут не катят, – возразил заказчик, утирая рот салфеткой с вытканым названием ресторана «Шах», – тут лучше бы ФСБ подтянуть. Ты говорил, там есть конец?

– Продажный опер, – Руслан, перед встречей нюхнувший кокаина, нервно хохотнул. – Сперва нас пытались разрабатывать, потом подсел на мои подачки. Сликает информацию от случая к случаю. Думаешь, имеет смысл привлечь?

– Менты – жадные и глупые, могут проколоться. База данных у них скудная. А фээсбэшник нароет более полную картину и действует осторожнее.

– Займет несколько дней и стоять будет дороже, – задумчиво ответил кавказец, по особому внимательно разглядывая собственные холеные руки – после порции порошка привычные вещи выглядят загадочными и прекрасными.

Магомедову они такими не казались, дела шли мерзко: проклятый Красько не соглашался помочь деньгами. Раз так, время компромисса прошло, наступило время войны. В ней потребуются проверенные бойцы, пусть порой обдолбанные и себялюбивые, главное, чтобы жестокие, как Руслан. Глаза у него подходящие – черные, словно провалы пустоты, ничего не выражающие.

Деньги не решают всех проблем, зато делают жизнь комфортной и устраняют сложности. Матвей, чьи материальные запросы сформировались в советский период, свою финансовую обеспеченность не воспринимал, как повод совершать баснословные траты. Гораздо приятнее сознавать, что такая возможность имеется. Гуляя по большому дому, обставленному антикварной мебелью, или плавая в личном бассейне, удачливый в бизнесе бывший разведчик порой ловил себя на потаенной мысли: «Неужели, это всё мое?» Разумеется, находил оправдание излишествам: «Скоро родятся внуки, будут приезжать к бабушке и дедушке». И вот сегодня пришло осознание истинного положения вещей, завершена работа над завещанием, по которому жене, сыну и даже потенциальным внукам достанутся крупные денежные средства, ценные бумаги и недвижимость.

Кое-что пригодилось и самому больному, решившему проводить максимум оставшегося времени вне клиники. Ослабленный физически и духовно Алехин медленно приходил в себя после сеанса химиотерапии. Усилиями друга Виктора в доме появилась оборудованная палата, где приезжающая из клиники медсестра делала внутривенные капельницы и иные процедуры – утомительные, болезненные и одурманивающие. Девушка сначала пациенту понравилась, вызвала, если не возбуждение, то повышенное внимание. Только привлекательность исчезла еще до того, как та первый раз вставила катетер ему в вену. «После лекарств вас будет тошнить, часто и подолгу, – объяснила деловито. – Лучше делать это над унитазом, а чтобы колени потом не болели, подкладывайте под них свернутое в трубочку полотенце».

Фраза окончательно обрушила прежний мир Матвея, оставив лишь жалкое существование среди обломков мужской силы и гордости. Женщинам в нем место осталось только в качестве сиделок, даже Анне – самой заботливой из них. Бороться предстояло в одиночку. Собравшись с силами, Алехин выбрался из объятий кресла и побрел в ванную. Нет, еще не тошнило, просто пора брить голову: волосы скоро начнут выпадать клочками. Еще один практичный совет медсестры! Десятилетия доверял голову женским рукам: помогут, помасируют, постригут. Но расстаться с волнистой сединой должен сам. Пряжи упали на кафель: соль и перец. Когда горка выросла, провел ладонью по розоватому гладкому черепу и заплакал. Впервые со дня смерти мамы.

Человек пробудился резко, подброшенный пружиной страха. Точнее, волной гормонального перехода организма от сна к бодрствованию. Электрическая активность мозга скакнула на высокий уровень, обеспечив активное взаимодействие индивида с внешним миром. Это слабо напоминало обычное медленное карабканье из тьмы к свету, через пелену отравленного токсинами организма.

«Где я?» – первая мысль. Огляделся: похоже, на полу в кладовке – кругом одежда и обувь. «Госпиталь! – уже спокойнее и рациональнее сообразил Муса. – Удалось добраться до Саудовской Аравии». Вспомнилось, что ему сделали гемодиализ, очистили кровь от разной дряни, облегчив почкам работу на ближайшие день-два. Еще напичкали лекарствами. Первая нормальная ночь обернулась утренним испугом. А вечером никак не мог уснуть, взбу-

дораженный соками жизни, бродившими в теле. После снотворного задремал, а не увяз во мраке, наполненном кошмарами. Скоро проснулся от едва слышного жужжания кондиционера, почудился русский беспилотник, барражирующий над местом зимовки в горах.

Тщетно попытался вновь погрузиться в сон: кровать показалась слишком мягкой после лежбища в блиндаже. Палата давила огромным размером и окном от стены до стены. Встал, побродил, нашел убежище в гардеробной, устроил лежку из одеяла и подушки. Там и проспал остаток ночи, пропустив призыв муэдзина к ранней молитве. Сильно не расстроился, ретивым мусульманином не был, только на людях старался казаться. А их рядом нет.

Как-то сразу появился слуга-палестинец, показал хитрости шикарной ванны, подравнял бородку. Затем помог освоиться с местной одеждой: длинную рубашку *тобе* надел быстро, с платком *гутра* повозился. Потом принес завтрак и исчез. Муса медленно приспособивался к новым условиям, выстраивал логику событий. Закончив с едой, решил поставить эксперимент: демонстративно громко выдохнул и отодвинул от себя поднос. Тотчас возник смуглый прислужник. «Следят. «Прослушку» или видеокамеру поставили», – сделал вывод пациент, не удивившись: в мире джихада/террора никто никому не доверяет.

Вышел на балкон, осмотрелся. Вид саудовской столицы завораживал современностью, мало вязавшейся в его представлении с центром всемирного *халифата*, возглавить который мечтает королевская семья. «Не выйдет – слишком размякли местные кочевники, век назад захватившие Аравийский полуостров, – счел Муса. – Мало кто и на коня влезет, предпочитают на «роллс-ройсах» рассекать. Без разницы, лишь бы помощь оказывали». Так и сидел в кресле, укрывшись от зимней прохлады одеялом, почесывая раздраженную и изъязвленную кожу на руках и ногах. Зудело и слегка кровоточило везде, но особенно беспокоили конечности. Ждал следующего хода судьбы.

Таковой последовал в виде пухлого молодого мужчины, чей шерстяной платок – *гутра* – отличался красным орнаментом, как выяснилось, катарским. После арабских приветствий тот по-хозяйски плюхнулся на диван и перешел на сильно акцентированный русский язык.

– *Ас-сайед*, Муса, врачи очень довольны вашим прогрессом и ожидают дальнейшего улучшения. Тем не менее, рекомендуют длительный отдых и постоянные процедуры.

– Что у меня за болезнь? Так и не понял, они лопотали на английском.

– *Хронический гломерулонефрит*, отягощенный хронической почечной недостаточностью.

– Что значит?

– Вам придется периодически чистить кровь машиной и принимать лекарства. Физическая активность и длительные передвижения будут ограничены: аппаратуру гемодиализа с собой не повезешь.

– Мне придется жить в госпитале?

– Нет, нет. С медицинской точки зрения, дела обстоят сложно, но несравнимо лучше, чем по приезду в Эр-Риад. Мне поручено обсудить дальнейшие планы. Братья-ваххабиты готовы оказать вам полное содействие.

– Я хочу продолжить войну против неверных, против Москвы. Моим воинам нужна материальная и иная поддержка, чтобы «Имарат Кавказ» стал реальностью. Для себя ничего не прошу.

– Похвально. Пока вам надо отдохнуть – эмир Катара предлагает свое гостеприимство.

– Почему бы мне не остаться здесь? Хотел бы посетить Мекку и Медину.

– В свое время получите такую возможность. Пока следует надежно укрыться от русских. Поверьте, в безопасности будет легче продолжить борьбу. Рука Москвы туда не дотянется. А если попробует, мы её отрубим.

Вздых Мусы прозвучал для оперативника как согласие. Наблюдавший на мониторе за встречей Бен Султан уловил и иные детали: чеченец не кивнул головой, не произнес утверди-

тельных слов. Сие означало, что тот зарезервировал свое мнение, ожидая развития событий, которые на данном этапе не мог контролировать. «Сильный человек, опытный, ценный, – прикинул шейх. – Посмотрим, сколько эта фигура стоит для Москвы. Еще одна гирька на весах торга, что вот-вот начнется с Кремлем».

Вяземский-старший не мог успокоиться после разговора с Матвеем. Тот был убедителен на сто процентов и всё же ... Вновь проверив записи за 13 октября, убедился, систему технического контроля за помещениями и движением людей перенастроил его собственный сын. Также несомненно, что действовал в связке со Степаном Алехиным. Неясно, как они покинули офис и вернулись в него. Глава компании не был бы гением, если бы в конечном итоге не вычислил, что в подходящее время на автомашине въезжала и выезжала подруга сына, некая Шпагина. Довольно погладив рукой комп, вызвал в кабинет Илью, отношения с которым оставались далекими от идеальных. Обсудив производственные вопросы и усыпив, как полагал, бдительность отпрыска, задал каверзный вопрос.

– Слышал, жениться собрался? Отцу ничего сказать не хочешь?

– Я? На ком? На Маше что ли? Нет, пока не планирую.

– А она планирует? Девушка не простая, со специфическим опытом.

– Ты об её шпионской работе? Так она уже с ней завязала, – компьютерщик пытался отбояриться от папаша и вдруг на стеклянной стене в стиле техно увидел отражение напряженного лица старшего, старательно отвернувшегося в сторону. – Тебе-то какое дело?

– Да так, – подтвердив свою догадку, старший сполз со скользкой темы. – Хотел больше узнать о будущей невестке.

– Мы нынче не встречаемся. Мария работает психологом, занимается поддержкой тяжелобольных в хосписах. Батя, ты бы пожертвовал на их содержание. Вроде, «Лаборатория» не бедствует. Глядишь, и Маша перестанет на меня дуться непонятно за что.

– Хорошая идея, – владелец корпорации решил проявить гуманизм, спровоцированный наследником, и чуть не проговорился про визит Матвея Алехина, – а то тут заходил ... один смертельно больной, просил ... помощи. Я обещал.

– Уважаемые пассажиры, просьба выключить телефоны и иные устройства, которые могут нарушить работу кардиостимулятора у командира воздушного судна.

Красько хохотнул изобретательности пилота, вновь развеселившего шуткой в жанре гражданской авиации. С неизменным удовольствием осмотрел интерьер бизнес-джета. Сливочная кожа кресел выглядела не натуральной, а живой. Привычно развалился на диване, закинув ноги на подлокотник. Правая рука держала стакан с виски, левая неосознанно гладила деревянную обшивку. Салон рассчитан на восьмерых, и в длинные полеты хозяин брал с собой кого-то из высших менеджеров: что-то обсудить, о ком-то посплетничать или попросту сыграть в домино. Но теперь *Gulfstream* мчал на уикэнд в Париж, к любимым жене и сыну, потому советчики и жополизы не требовались. «Жаль, Ленка не хочет жить в Москве, – в который раз посетовал Михаил, – хотя можно понять: девонька привыкла к французской атмосфере, да и Марку спокойнее за границей. Молодец я, купил самую новую и скоростную модель – 1000 км/ч!»

Обвел взглядом красоту вокруг, глотнул божественного *Teatinich 1971 года* и совсем позабыл, как шикарный самолет появился из-за жены, упрекнувшей: «Что ты, олигаршонок какой летать на дешевке?» От ожидания близости с ней, своенравной и такой сексуальной в её капризах, стало теплее на душе. Или алкоголь подействовал? Неизвестно, только московские проблемы исчезли с горизонта, как и сама Россия. А с ними и Магомедов, который после ссоры куда-то сгинул. «Оно и к лучшему: остынет, образумится».

Глава 8

Видео

Микроавтобус старый, люди в нем молодые. Настолько, что скучная сидячая работа не могла серьезно снизить концентрацию гормонов и феромонов в тесном отсеке, нафаршированном спецаппаратурой. Мужчина поглядывал на соседку, та – на мониторы. Оба влюблены, но не друг в друга. То есть, старший лейтенант желал сблизиться с лейтенантом младшим – новенькой сотрудницей отдела технических мероприятий, а она бредила о совсем ином человеке, не служившем в ФСБ.

Засада и длительное наблюдение – задание для двадцатилетних. Меньше утомляются, мочевого пузырь выносливее, в холодной машине не так мерзнут. Им выделили побитую временем «газель», мол, лучше для конспирации, поскольку на площади перед ОВД полно маршруток. Вообще-то в УФСБ поступил классный минивэн «фольксваген», только тот сильно выделялся в городском автостаде, что подходило для разъездов начальства – пусть народ знает, кто едет.

– Спорим на пиво, прямо сейчас предложит взятку, – хорохорился старший.

– Пиво не пью, – ответила младшая. – Насчет взятки в служебном кабинете сомневаюсь. Неужели кабардинец совсем идиот? Скорее пригласит в ресторан или пришлет посредника.

– Тогда давай поспорим на поцелуй.

– Это как?

– Если я прав, ты меня поцелуешь. Если ты, я тебя.

– Какое соблазнительное предложение! И не мечтай!

Пара наблюдала за отделом внутренних дел, сотрудники которого подозревались в систематическом вымогательстве. Дела возбуждались по поводу и без, глохли, закрывались, а порой вновь шли по тому же кругу. В ходе недавно закончившегося ремонта в здании фээсбэшники сумели установить скрытые видеокамеры и микрофоны. Не то, чтобы федеральную службу сильно беспокоили производственные нюансы полиции, но совместно с прокуратурой было решено показать зарвавшимся ментам, что их претензии на единоличное господство в городе разделяются не всеми. Опять же требовалось отчитаться о борьбе с коррупцией в правоохранительной системе. Информации накопилось немало, однако руководству требовалось нечто ТВ-смотрибельное, типа шумного ареста с поличным оборотня в погонах.

– Послушай, уважаемая, – настаивал бомбила, – ты же понимаешь, что никаких наркотиков у меня в машине не было. Их подбросили гайцы! Отпечатков моих на пакетике нет, понятые при обыске не присутствовали.

– Какой умный! Есть протокол и рапорты офицеров ГИБДД. Проверка не выявила нарушений в их действиях. Статья 228 УК: «двушка» исправительных работ либо лишение свободы до «трехи». Так что думай, как себе помочь!

– Помочь-то можно?

– Безвыходных ситуация не бывает.

– Прикрыть следствие возможно?

– По моей рекомендации решение о возбуждении и закрытии дела принимается на уровне моего шефа, – пока еще безвестная героиня теленовостей многозначительно полистала бумаги в папке.

– А...? – таксист умолк и демонстративно потер большим, указательным и средним пальцами.

Следователь на бумажке написала цифры и показала подозреваемому. Тот сделал большие глаза, сглотнул слюну и кивнул.

– Только не тяни, заходи перед концом рабочего дня, а то завтра следствие выйдет в суд с просьбой об изменении тебе меры пресечения. По 228-й это обычно арест. Соображаешь?

– Вечером конкретно отблагодарю.

Старший лейтенант выразительно глянул на напарницу и снял трубку телефона: «Первый канал» докладывает, товарищ полковник. Есть работа для группы захвата на вечер. Как вы и ожидали. Молодая следачка – наглая и жадная, вымогает деньги у кавказца и кивает на начальство».

Ксения утратила взбалмошность, которая так нравилась и так раздражала Степана. Нет, внешне она позволяла некоторую эксцентричность и детскость, пусть после свадьбы и стала внутренне взрослее. А посему, заранее с гинекологом рассчитав лучший день и примерный час для зачатия, начала дуть губки, плавно загоняя Алехина-младшего в угол.

– Почему не можешь остаться дома? Скажись больным. Ты же никогда не прогуливал!

– Как тебе объяснить, чтобы дошло, – Степан начинал распяляться, своими 185 см и покрасневшими щеками напоминая русского богатыря из детского мультлика – мощного, но не страшного. – У меня важная встреча, отменить нельзя.

– С кем это ты встречаешься, бросая меня одну? С девушкой? Я тебе надоела? – методично долбила Ксюша, напустив обиду и потупив зеленые глаза.

– С Вяземским-старшим. Он ищет человека на должность представителя компании в США.

– Мы поедem в Америку? – на секунду девушка забыла о главной цели, ибо поездка за океан также занимала важное место в ее мечтах. – Надолго? Где будем жить? Когда?

– Не так сразу, зайка, хотя я в коротком списке кандидатов.

– Ура! – Алехина бросилась целовать мужа и, когда он расслабился от собственной важности и женского восторга, без промаха нанесла удар в слабое место. – Тогда возьми меня посмотреть «Лабораторию». Ты же много раз обещал. Давно хочу увидеть, где вы творите виртуальные чудеса.

– Ладно, – сдался компьютерный волшебник, – приезжай в пять. Договорюсь с Никитой, может, пригласит Машу, вместе поужинаем.

После его ухода Ксения вновь прислушалась к своему телу: в паху ощущалась овуляторная боль. Ввела палец во влагалище: выделения стали прозрачными, скользкими, эластичными. Померила температуру: базовая превышена на 0,4 градуса. «Чудненько! Как доктор и обещал!»

Виктор лучился, пытаясь походить на Деда Мороза, принесшего подарок. Алехин не ждал чудес, но верил, что всё вокруг Чудо. В чем был солидарен с Эйнштейном. Но не заблуждаются ли разведчик и физик?

– Друг сердечный, обнадеживающие вести. Гистологическое исследование подтвердило *плоскоклеточный рак*.

– Пора плясать от счастья? – напрягся Матвей, лежавший в постели.

– Он поддается комбинированному лечению, вероятно, даже без операции. Пятилетняя выживаемость значительно выше, чем при других формах онкологического поражения легких.

– Мои шансы повышаются? – усталая улыбка надежды тронула уста шпиона.

– Да. Только есть и плохое известие.

– Как же без него!

– Добавим новую процедуру: *белки-цитокины*.

– Что за зверь?

– Они повышают возможности иммунной системы организма. Правда, иногда дестабилизируют и саму систему.

Присутствовавший при разговоре риджбек в последнее время редко отходил от больного хозяина – разве что пописать в саду. Внимательно наблюдая за гостем, счел правильным негромко гавкнуть: «Дело говорит Пилюлькин, пропахший больницей». Знакомый с ветеринарами кобель врачей не любил, а этот, вроде, толковый. Алехину хотелось разделить собачье мнение, только сил не хватало надеяться на хорошее: химиотерапия убивает иммунитет, белки усиливают, облучение опять убивает. Бред!

Глаза Анны бегали с одного мужчины на другого. Слова слышала и понимала, только составить окончательное впечатление не могла. Услышав про «дестабилизацию», чуть не упала в обморок. Нельзя! Ногти правой руки впились в ладонь левой, губа прикушена. Наконец решила: «Такой диагноз лучше, вряд ли Виктор стал бы врать в лицо мужу». Когда доктор уехал, скользнула под одеяло к Матвею: хотелось его согреть, самой хотелось тепла. Ничего не говорили, смотрели, как падал за окном снег, как крался по лесу февральский вечер.

Аэропорт *Ле-Бурже* нравился Красько. Зал бизнес-авиации быстро обслуживал состоятельных гостей, паспортный контроль без очередей. По дороге в центр Парижа на красоты не пялился – не турист. Скорее в России ощущал себя туристом, приехавшим на бизнес-сафари. Настрелял акций или бабок, и назад, в Европу, с трофеями. Там их надежно депонировал в крупном банке и можно расслабиться. Уже скоро обнимет Элен и в койку. Михаил любил женщин и, как честный человек, женился на самых привлекательных. «Ленка – последняя любовь», – суеверно загадал, когда встретил модель где-то на поддаче после дефиле.

С тех пор ему везло – бизнес пер вверх и вширь, холдинг кроме селитры охватывал производство иных удобрений и химикатов. Как с неба падали в руки компании и компашки, многие – прибыльные. Никаких наездов со стороны властей. И со здоровьем обстояло неплохо, даже курить бросил. В общем везло. Смертельно боялся, что она его бросит. Знал, подарки и знаки внимания, деньги и виллы её не остановят, если решит. Вот и знакомый подъезд, лимузин остановился. «Даст или не даст?» – волновался словно подросток, хотя ответ знал: «Даст, куда денется».

Ксения ждала в холодной стеклянно-металлической обстановке того отсека «Лаборатории», где обычно работали младшие Алехин и Вяземский. Первого вызвал босс, второй смылся, не сумев помириться с подругой. Померив температуру, сидела на столе с системными блоками, одиночество не тяготило, нарастало ожидание приятного. И оно пришло, когда Алехин вернулся с аудиенции.

– Решено: едем в Штаты, после утверждения на совете директоров. Это займет несколько недель. Только не радуйся особенно, бюджет выделен скромный, жить придется по средствам.

Девушка стремительно обняла его и с напором попыталась сдвинуть в сторону дивана. Не вышло – пришлось изменить вектор и привлечь к себе, отклоняя спину на поверхность рабочего стола. Получилось.

– Зая, здесь же офис, – поддаваясь на ласки, попытался возразить Степан.

– Ты же говорил, здесь электронный замок, никто не может войти.

– А Никита?

– Он уехал, с Марией вышел облом.

Больше слова не слышались, только вздохи, учащенное дыхание и стоны. Потом мужчина поспешил в туалет, а женщина еще какое-то время лежала, сведя ноги, как учил гинеколог. Внутри неё должно случиться чудо, и она думала только о нем. Не в биологических терминах оплодотворения, а словно гадала на ромашке: сбудется, не сбудется. Затем достала из сумки запасенные влажные салфетки, рядом с ними лежала упаковка домашнего теста на беременность. Сегодня он еще не пригодится, через недельку покажет результат.

«Работает ФСБ! Всем оставаться на местах!» – бойцы в черных комбинезонах и шлемах, с автоматами кричали не без удовольствия и не без проблесков мата.

«Выключить телефоны!» – громко прозвучала лишняя, по сути, приказ, поскольку обитатели «газели» на площади заранее начали глушить мобильную связь в квартале.

Служащие ОВД, еще секунду назад считавшие себя заместителями Всевышнего во вверенном районе Российской Федерации, жались к стенам и по кабинетам. Старший фээсбэшник, сделал шаг в сторону, чтобы у оператора образовался приличный ракурс, и задал простой вопрос следачке, позеленевшей под цвет обоев: «На начальника дашь показания? Деньги ведь для него». Женщина закрыла лицо руками и выпала из кресла. На такой случай при захвате присутствовал фельдшер, в медукладке которого имелся нашатырный спирт. Чувственная натура быстро пришла в себя, стул под курировавшим её работу зам. нач. ОВД зашатался.

Кабардинцу нашатырь не предлагали: передав пачку купюр, тот превратился в участника дела о коррупции. Что, естественно, влекло ответственность за дачу взятки. Быстро смекнув, он дернул за полу старшего: «Хочу с вами поговорить». «С дознавателем поговоришь в СИЗО, – пообещал офицер и бросил бойцам. – Пакуйте». Кавказца приняли жестко: заломили руки за спину и полусогнутом положении погнали в автозак. По пути в изолятор его обуревали думы о том, кто будет кормить жену и дочку, о машине на штрафстоянке, о взятых в займы деньгах для взятки. О соседях по камере еще не размышлял, а зря.

Совещание назначили в нью-йоркском офисе ЦРУ. Прежний билдинг беспричинно рухнул вслед за башнями-близнецами после атаки воздушных террористов в 2001 году. Новое помещение подобрали в небоскребе средней руки подальше от водной глади, чтобы окружающие, более высокие, здания защищали от самолетов. Вид на Гудзон пропал, что в конференц-зале без окон не имело значения. Дерево, кожа, камень, голые стены. Присутствовали руководители, курировавшие Россию, Ближний Восток, КНР, а также шеф управления планирования разведывательных операций (УПРО).

– Итак, джентльмены, мы начинаем выполнение президентской директивы, – объявил директор национальной разведки. – Вы, наверное, озадачены тем, что встречаемся здесь и без предварительного обмена информацией. Скажу сразу: обычные протоколы действий на сей раз отменены. Работа ведется без оформления документации и замыкается через УПРО на меня. Общий план еще не завершен, даже кодового названия не существует. Центральную операцию следует в целях конспирации называть учебной, соответственно обсуждение с сотрудниками вести в сослагательном наклонении. Есть вопросы?

Вопросов не последовало, ибо никто не хотел ответов. Очевидно, что миссия без названия и компьютерного индекса проводится вне рамок правового поля, даже тех, расплывчатых, что приняты разведсообществом США.

– Начальник УПРО сделает брифинг для каждого из вас в отдельности, затем можете пообщаться друг с другом на предмет согласования шагов.

Первым задание получил шеф русского отдела, прилетевший из Вашингтона: озадачить аналитиков поиском путей для усугубления экономических проблем России. Предпочтителен точечный удар по одной из ключевых отраслей, ранее не затронутой санкциями. Кроме того он получил параметры для подбора исполнителя спецакции из числа действу-

ющей и перспективной агентуры. К подбору решили привлечь лондонского резидента, поскольку британские спецслужбы имели оперативные возможности в Москве.

Глава разведопераций на Ближнем Востоке сразу ухватил мысль директора и предложил использовать ситуацию в Саудовской Аравии, где престарелый монарх никак не отдавал бразды правления наследному принцу, руководившему королевской разведкой. «Принц не раз встречался с хозяином Кремля, безуспешно пытаясь склонить его к участию в коалиции против Тегерана и Багдада, – напомнил. – Имеет на него зуб. Кроме того саудиты располагают рычагами влияния на исламистов внутри России и канализируют их поддержку со стороны княжеств Персидского залива».

Прибывший из Японии глава разведцентра, координирующего работу по Китаю, с сомнением слушал главу разведки, поскольку затронутая боссом тема – отношения КНР с РФ – относились к наиболее закрытым секретам Пекина. «Идеально придумать заваруху в сфере военно-технического сотрудничества двух стран, – мечтательно произнес наконец, – только как в нее проникнуть?»

Глава 9 Самолеты

Сынишка лопотал важное и нечленораздельное. Папаша не сразу врубился, что Марк говорит с ним по-французски. Украинская душа, а её поскреби – внутри одессит с русско-еврейскими корнями, на дух не принимала лягушачий язык. Английский ей ближе, хотя и нешибко. На нем и последовал внезапный звонок редактора *CNN*, сумевшего добыть номер его мобильного.

– Мистер Красько, вы можете подтвердить или опровергнуть факт аварии на вашей шахте в Селитрограде?

– Откуда такая информация?

– Наш источник сообщил, что сейсмостанции зафиксировали землетрясение в данной точке. Локальный толчок, довольно мощный.

– И что?

– Город находится на Восточно-Европейской платформе – очень устойчивом участке земной коры. Там не отмечается естественной сейсмической активности.

– Видите ли, – начал Михаил, когда смартфон пикнул, – извините, у меня вторая линия. перезвоните.

Начальник службы безопасности холдинга звучал коротко и зловеще.

– Взрыв на шахте, есть пострадавшие, ситуацию уточняем.

– Авария техногенная?

– Пока неизвестно, но на объекте взрываться нечему.

– А селитра не могла самопроизвольно детонировать?

– Никак нет. В породе она безопасна, на обогатительной фабрике порядок, склады готовой продукции не пострадали.

– Кто из руководителей на месте?

– Генеральный директор собирает команду.

– Вылетаю в Селитроград. Пусть встретят.

Сын смотрел грустно, огорченный. Не словами, а тем, что папа опять уезжает. Мальчик всегда чувствовал его предстоящий отъезд. Слабое знание русского тут не помеха. Зарыдав, бросился в спальню к маме, накладывавшей последние штрихи перед очередным покорением Парижа. Оно должно случаться каждый день, невзирая на события в Селитрограде или где-то там ещё. Пусть хоть потоп, а выход в свет по расписанию. Вечером намечался благотворительный гала-концерт в *Opera Garnier*, за пределами Франции известной, как *Гранд Опера*. Вика настаивала на участии пары Красько – будут СМИ, и не только французские. Именитые красавицы Европы съехались, чтобы продемонстрировать новые платья, драгоценности, результаты пластической хирургии, прирученных мужчин. Теперь бренд *Lenka* предстояло продвигать в одиночестве. «Бестолочь, – негодовала женская сущность Элен, – не может найти толковых менеджеров, чтобы они работали. Вечно сам расхлебывает проблемы, бросает меня одну в трудную минуту».

В самолете стюардесса принесла порцию виски – босс традиционно выпивал после взлета, а нередко и до. В ответ услышала обидное: «Дура, я не просил!» Когда она вышла, шарахнул ногой по креслу – оба не пострадали, чуть отлегло. Пилот, заготовивший прикол с «управлением» аэропланом из салона при помощи длинных веревок, разумно скрылся в кокпите. Михаил включил ТВ. Ожидаемо, *CNN* стенала по поводу «очередной катастрофы в России», спекулировала о числе погибших. Кадров с места еще не демонстрировала, однако общая расторопность настораживала. Параллельно Красько вел переговоры с офисом и слу-

чайно узнал от секретарши, что «господин Магомедов позавчера вылетел в Англию». «Ну, конечно! Сученок слинял подальше, – Красько сразу сделал вывод, поспешный, но точный. – Алиби заготовил. Только дал маху, рассказав о поездке и не заказав наш бизнес-джет. Ведь привык им пользоваться. И что с говнюком делать?»

Вопросительный знак повис на высоте 9000 метров над землей. В бурные 90-е висел бы недолго: оппоненты убирала друг друга быстро и кроваво. Нынче такое – *моветон*, в моде рейдерские захваты, прокурорские проверки, громкие суды, черный пиар. Только Магомед взрывом решил повернуть время вспять. «Ответить той же монетой?» Идея подняла настрой, заставила вспомнить давно забытые разборки. «Рано! Надо спасти бизнес и репутацию. С Магомедовым разрулю позже».

На меньшей высоте и медленнее двигался похожий самолет, почему-то летевший в аэропорт Абу Наклах по круговому маршруту, включающему несколько приземлений в странах Персидского залива. Сейчас машина снижалась над Катаром и внизу появилось большое сооружение, формой и расцветкой напоминавшее Мусе большие и малые половые губы.

– Что такое? – не удержался, поскольку улучшение самочувствия положительно затронуло и *либидо*.

– Смешной стадион, да? К чемпионату по футболу построили. Очень популярная картинка в интернете – люди со смеху помирают, – ответил сопровождающий спецслужбист. – Вы увлекаетесь футболом?

– Нет. Везете меня взглянуть на стадион?

– Нет, сбиваем со следа возможных ищеек Москвы. Вдруг следят за нами со спутника. А так им не узнать, где мы двое сойдем. В каждой точке члены экипажа ходят в здания терминалов, создают иллюзию высадки-посадки пассажиров. Разрешение русских камер не позволяет с орбиты опознать конкретного человека. Так, во всяком случае, американцы нас заверили.

Главарь террористов хотел бы выяснить, какова разрешающая способность космических шпионов США, но промолчал. Вряд ли Вашингтон, получивший контракт на охрану княжеств Залива, знакомит своих клиентов с такими данными. Ведь за ними он следит внимательно и постоянно. С кем ЦРУ решит поделиться информацией – вопрос открытый. Оставалось надеяться, что не с ФСБ. Американцы, конечно, *кафиры*, как и русские, только более полезные для дела великого *халифата*. По крайней мере, на данном этапе. Что будет завтра, один Аллах ведает. Хотя в дела насущные Аллах вмешивается редко. Насущным для Мусы являлось добраться до базы в Катаре и определиться со своим статусом.

Вечерний телеэфир Краснодара открылся репортажем о задержании коррупционера в погонах. Слезы на глазах пойманной с поличным следачки, пачка денег, перетянутая резинкой, мужественные бойцы группы захвата. Мельком застывшее от стресса лицо кабардинца, представленного зрителям в качестве мелкого правонарушителя, у которого вымогали взятку. «Торгаш», придя с рынка, отдыхал на диване. Увидев ТВ-картинку, ахнул. Позже навел справки через адвоката: тот, побеседовав с бомбилкой и дознавателем, подтвердил, что речь идет о бытовой взятке. Задержанному клиенту рекомендовал пойти на сделку со следствием – дать показания и стать свидетелем по ментовскому делу.

Огромный ИЛ-96ПМУ летел Латинскую Америку. Официальный визит лидера нации на континент требовал сложной логистики: сотни человек обеспечивали безопасность, связь, транспорт; полдюжины самолетов везли людей, оборудование, автомобили. Хотя лайнер шел ночью над Южной Атлантикой в одиночестве, оно было условным: развернутые в этом полушарии военные корабли и самолеты-ретрансляторы обеспечивали ему постоян-

ный контакт с Москвой. К тому же десятки пассажирских трансатлантических бортов пересекали океан параллельными курсами.

Маскируясь под один из них, в сотне километров чуть сзади и восточнее крался американский *RC-135V/W* — наблюдение за разговорами с Борта № 1 вели радиотехнические средства АНБ США. Кодированные серьезными шифрами сигналы позже попробует на зуб мегакомпьютер. Менее защищенные или открытые коммуникации перехватывались для прочтения в реальном времени. Именно этим занимались в гигантском комплексе зданий, чьи обсиданово-черные стеклянные стены возвышались над идиллическим сельским пейзажем штата Мериленд. Здесь за заборами из колючей проволоки под высоким напряжением и под вооруженной охраной расположилось Агентство национальной безопасности США. О масштабах его деятельности наглядно свидетельствуют не разоблачения в прессе и не его львиная доля в бюджете разведсообщества США, а парковка на 18 тысяч автомобилей.

Старший смены заметил «флажок» на мониторе и сосредоточил внимание на разговоре Президента России с его министром по чрезвычайным ситуациям, находящимся в Москве. Речевая информация, проходя через бортовой криптоблок, оцифровывалась, сжималась, пакетировалась, шифровалась, кодировалась от помех и выстреливалась в эфир по узкому лучу. Что осложняло перехват радиообмена, но не делало его невозможным. Последующая обработка порой давала полезные сведения, не сверхсекретные, но позволяющие быть в курсе текущих головных болей Кремля. Полезно знать как силу, так слабости русских.

– Взрыв произошел ровно в 12.07. Суббота на шахте – выходной день. Использование взрывчатки для проходческих работ не планировалось.

– Ты намекаешь на диверсию? – задал центральный вопрос Президент.

– Утверждать не могу, хотя она включена в число возможных версий, – осторожно ответил опытный глава МЧС.

– Пострадавшие?

– Двое погибших, двое в больнице.

– Шахтеры?

– Нет, случайные люди. Образовался провал на поверхности рядом с железнодорожной станцией. В него рухнула будка обходчиков. Они, скажем мягко, закусывали в тот момент.

– Прямо хоть не выезжай за рубеж, сразу ЧП. Сейчас уже поздно возвращаться, принимающая сторона не поймет. Ты свяжись с ФСБ.

– Уже в контакте. Отданы нужные поручения. Подключаются военные. Разбираемся.

– Жителям города надо помочь.

– Региональный штаб МЧС занимается.

– Чья шахта?

– ОАО «Росселитра», основной акционер – оффшорная компания, а фактически – Михаил Красько.

– Красько, говоришь. Не припомню. Подготовь справку или лучше пусть ФСБ пришлет, что на него есть.

– Будет исполнено.

Главный пассажир не сразу вернулся в спальню, знал: не заснет. По боковому коридору переместился в крохотный тренажерный зал и качал мышцы, пока не почувствовал усталость. Тогда и прилег. До посадки оставалась часа полтора.

Оператор АНБ постучал по клавиатуре, и материалы радиоперехвата отправились адресатам. Первый в списке – секретариат Директора национальной разведки США. Старший поехал – не из-за русской болтовни, волновало, что жидкий кофе остыл в кружке. «Черт, и когда центральный кондиционер наладят, холодно, как на Аляске! Или стакан-термос купить?»

Здание ФСБ на Лубянке знает каждый. На соседнее, одетое в серый гранит, обращают меньше внимания. В нем и днем, и ночью дежурит смена оперработников, в масштабах страны координирующая деятельность Федеральной службы безопасности. Поскольку ЧП имело признаки теракта, его раскручивали по полной программе. Аналитики тут же выдали на гора массу пикантного. Оказалось, что, хотя тамошняя селитра давно используется только на удобрения, раньше из нее изготавливалась взрывчатка для армии. Выяснилось, что нынешний владелец – известный бизнесмен с неоднозначным прошлым. Поскольку его самолет готовился к посадке в Селитрограде, тамошний райотдел ФСБ получил приказ взять субъекта под наблюдение.

Магомедов расслаблено брел по мосту Тауэр, позволяя ветру играть длинными локонами вороньего крыла. Наслаждался прогулкой в одиночестве. В Лондоне чувствовал себя в безопасности без обычных в России 2–3 телохранителей, не считая автоматчиков в джипе сопровождения. Вчера плодотворно потолковал насчет рефинансирования под залог акций «Росселитра». Из банковского здания-яйца через Темзу просматривался жилой комплекс с *мариной*. Яхты ему давно нравились, и в выходной решил туда прогуляться. Поглядеть, что покупают местные мультимиллионеры. Сам предпочитал ходить по Средиземному морю, мечтал получить диплом судоводителя. Карман завибрировал, что странно – деловой телефон дагестанец оставил в гостинице, взял только приватный.

– Как отдыхаешь, земляк? – дежурно поинтересовался Руслан.

– Скучно. Как в Москве? – Магомед сообразил, что последуют новости.

– ЧП по ТВ показывают. Включи телик, лучше с переводчицей. Жуткая авария в Селитрограде.

– В Селитрограде?!

– Именно. Шахта рванула.

Магомед бросился ловить такси – ни одно на мосту не остановилось. Только на другом берегу удалось взять *кэб*. По пути из отеля в аэропорт позвонил банкиру, тот сочувственно вздыхал, объясняя: после катастрофы о деньгах говорить бессмысленно. «Никто в такой ситуации не возьмет в залог пакет «Росселитры», разве, что китайцы – главные покупатели вашей продукции. Зато, если бы у вас имелись свободные средства, то можно было бы воспользоваться неизбежным падением котировок и дешево прикупить акций на бирже».

Красько добрался до места затемно. Потрясенный стоял на краю провала, точнее, метрах в ста – дальше, за оцепление не пустили. Лучи военных прожекторов терялись в клубах пыли и пара, выходящих из-под земли. Огромная дыра поглотила подъездные пути железнодорожной станции и находившиеся на них вагоны.

– Какая глубина?

– Метров двести-триста, – виновато ответил инженер, будто чувствуя ответственность за случившееся, – до старого верхнего горизонта.

– То есть, рухнула внутренняя полость шахты?

– Очевидно. Хорошо, что заброшенная выработка давно не эксплуатировалась, и там не было рабочих.

– Так отчего же? – Михаил озадачено почесал затылок.

– Либо диверсия с подрывом несущих колонн породы, либо вода их подмыла.

– Воду не откачивали?

– Насосы старые, повыходили из строя, а на шахте режим экономии.

– Молчи, идиот! Какая экономия! Вы всё делали по регламенту! Понял?

– Но комиссия ...

– Я разберусь с комиссией.

Приблизившийся сзади опер из УФСБ напрасно напрягал слух: из-за шума съехавшихся машин ничего не смог разобрать.

Глава 10

Анализ

Ночь – время таинств. Черных, белых, серых, любых. И в ту секунду одно происходило внутри другого. То есть, уже отделившись, новое еще оставалось там, маскируясь под старое. Деталей еще не видно, просто нарастало свое собственное. Шло деление, усложнение, дистанцирование от носителя. Действовала геометрическая прогрессия: 1-2-4-8-16... Удвоение быстро уносило число на уровень астрономических величин. Своего становилось МНОГО.

Клетки, а они множились делением, – единицы биологического вещества, каждая с биохимией умопомрачительной сложности. Их комочек превращался в эмбрион. Зародыш жизни рос, двигаясь по пути, конечным пунктом которого должно стать еще одно «Я». Пока не способный быть отдельным, он уже был чужим, но не чуждым для хозяйки тела, приютившего ЧУДО. Он сам не видел, и не был видимым, хотя вдруг обрел иное существование, отличное от материнского. И женщина почувствовала это расхождение, словно могла следить за таинственным процессом.

Ксения проснулась. Что-то иначе. Степан мирно дышал рядом, в квартире тишина. Протянула руку, попить не вышло – бутылка на тумбочке пуста. Тихо встала и пошла в ванную. На полпути туда, в сети нейронов скользнула искорка сигнала, и мозг озарился вспышкой мысли: «Получилось!». Забыв о воде, нашла коробочку с тестом на беременность, присела на биде в излишней попытке убедиться в уже очевидном. «Есть! Плюстик!» Жирный, непреложный, ухмыляющийся. Итак, самое трудное – так она полагала – позади. Оставалось легкое – так она полагала – дотерпеть с новостью до утра, чтобы не разбудить мужа. Ах, да! Еще нужно выносить плод и родить.

Небоскреб *Sinochemi* — не самый эффектный в новой части *Пудонга*. Вид из окон на мутные воды Хуанпуцзян и набережные, правда, отличный – в ясную погоду. Нынешнее утро – хмурое – не располагало любоваться знакомым пейзажем. Паренек из южной провинции, чей климат и генетика одарили крупным носом-«кондиционером», как шутили северяне, за двадцать лет сделал стремительную карьеру в Шанхае. Увидев в выходные ТВ-репортаж об аварии в Селитрограде, директор по внешним связям приехал на работу готовиться к неизбежному обсуждению с руководством корпорации. Крупнейший китайский импортер удобрений не мог не озаботиться возможными последствиями.

К полудню поднятые по тревоге подчиненные пришли к заключению: цены на российскую селитру вырастут из-за вероятного закрытия пострадавшей шахты, котировки акций «Росселитры» рухнут. Это грозило проблемами в снабжении сельского хозяйства КНР и одновременно открывало возможности для агрессивных инвестиций на российском рынке.

Председатель обвел взором членов комиссии – никто не возражал.

– Итак, предварительный вывод: либо природная катастрофа, вызванная ненадлежащим содержанием шахты, либо диверсия, помноженная на то же ненадлежащее содержание.

Поднял руку руководитель следственной группы ФСБ.

– Заборы грунта и воздуха не указывают на использование взрывчатки, хотя при таком объеме селитросодержащей породы и запыленности обнаружить следы ВВ практически невозможно. Чтобы было лучше понятно: сырье из этих выработок использовалось для производства боеприпасов с 1930-х годов, даже в создании первых атомных бомб.

– Так ФСБ отвергает возможность теракта?

– Никоим образом. Мы продолжим оперативные и технические мероприятия по этой версии. Хотя есть обстоятельства косвенно свидетельствующие против нее. Во-первых, в Селитрограде никогда не фиксировалось проявлений терроризма. Во-вторых, взрыв, если таковой имел место, могли устроить только шахтеры. Они бы выбрали его местом нижние действующие выработки, где есть производственные запасы динамита. Украсть и перетащить их в верхний горизонт крайне непросто. Я верно говорю?

– Да, – поддержал главный инженер. – Когда пробьемся через завалы в складу ВВ можно будет утверждать точно, но по состоянию на день, предшествовавший аварии, склады взрывчатки были в полной сохранности.

– Что ж, – резюмировал председатель, – давайте решать, что делать с провалом. Он расширяется, захватывая новые участки на поверхности. Под угрозой товарная железнодорожная станция и прилегающие жилые дома.

Красько побагровел, наступал час расплаты: деньги потребуются немалые и платить ему. Офшорный кошелек предстояло серьезно потрясти. Потом встанет вопрос политической и личной ответственности, от которой холдинг кипрской юрисдикции не защитит. Нужно искать выходы на Кремль, входной билет туда будет стоить дорого.

Из четырех сотен сейсмостанций большинство расположены в районах потенциальных землетрясений: в Сибири и Дальнем Востоке. Почти все они гражданские и «смотрят» внутрь страны. Военные «глядят» вовне, прослушивая территорию США, Китая, Кореи и иных государств. После краха Варшавского договора и СССР посты в Европе утрачены. Служба специального контроля Минобороны РФ и Геофизическая служба РАН взаимодействуют по специальному протоколу, фильтруя возмущения земной коры в поисках ядерных взрывов.

Толчок в Селитрограде таковым не являлся, но по запросу МЧС данные заново проштудировали. Академики усмотрели первый иницирующий толчок, схожий с взрывом. Военные посчитали его слишком растянутым по времени, чтобы быть искусственным. Мнения разделились, оставляя пространство для фантазий и толкований.

Автоматизированные посты сейсморазведки НАТО напротив сконцентрированы вблизи границ России и кроме контроля за испытаниями атомного оружия имеют функцию наблюдения за любой военной активностью. За полвека работы они отлично откалиброваны: в банке данных есть референсные сведения по самым различным сейсмособытиям – от движения танковой колонны до падения самолета. Поэтому эксперты с высокой вероятностью отвергли возможность рукотворного подрыва заброшенных выработок. Только Москва об этом не спрашивала, а инициативно чувствительной информацией Брюссель, вернее Вашингтон, с ней не поделился. Оставил для собственного потребления.

Мария Шпагина ехала к Алехину-старшему без приглашения. Долго колебалась, узнав о болезни. Под его крылом она участвовала в недавней операции в Афганистане, поэтому всё же сочла необходимым посмотреть, чем можно помочь. По дороге надумала посоветоваться с Чудовым, своим бывшим начальником и крестным отцом.

– Не знаю, как и начать, – мялась уволившаяся сотрудница Службы внешней разведки.

– С конца, Машенька.

– Матвей Александрович, похоже, серьезно болен.

– Откуда сведения, – по привычке проверять источник, спросил генерал, хоть и отставной.

– Никита Вяземский пригласил на ужин со Степаном и Ксенией Алехиными. Я не поехала, но перезвонила Ксюша и проболталась, что Матвей Александрович лежал в ЦКБ, а нынче проходит курс лечения на дому.

– Немедленно поезжай к нему и разузнай подробности, ты же у нас психотерапевт. Не так ли? Я наведу справки через свои возможности.

– А если он меня не примет?

– Слюни не распускай! Ты нашу академию закончила или институт благородных девиц?

Лес по-прежнему окружал дом с трех сторон. Поредевшие старые деревья – короед-типограф виноват – в окружении молодых елей и сосен. Кормушка для птиц и отдельная, с орехами, для белок. Рыжие собаки, вытянувшиеся струной в готовности к атаке. Вот сука уловила знакомый запах и расслабилась, за ней и кобель. Можно выйти из авто и подняться к Анне, поеживающейся от холода на крыльце. «Постарела, улыбается из последних сил, старается держать марку. Эх!»

Алехин выглядел отвратительно – бритая голова, впалые щеки. Глаза, как дождевые лужицы, лишь пассивно отражали окружающий мир. Руки лежали поверх пледа, скрывавшего тело. «Мерзнет даже в кресле у камина: упадок сил». Против ожиданий принял любезно, защебетал. «Понятно: цепляется за добрые воспоминания, не желает говорить о грустном настоящем». Она почти каждый день беседовала с подобными пациентами на сеансах психоподдержки, видела и совсем тяжелых в хосписах. «Матвей Александрович держится, молодец! – сочла девушка. – Хороший признак. Помоги ему, Творец!»

Напившись чаю с фирменным яблочным пирогом, попрощалась. У машины Анны умоляющим шепотом попросила: «Приезжай! Он ведь ни с кем не хочет видаться, а тебе обрадовался». Мария обещала, взвалив на плечи еще одну невесомую душу, которая не решила: оставаться ей на свете или покинуть его. Следовало поддержать ветерана. Только нужно уточнить диагноз. Не потребовалось – отзвонился Чудов.

– Клиника ссылалась на врачебную тайну, пришлось напрячь. У Алехина рак. Что скажешь?

– Внешние признаки явные. Очевидно, ему тяжело дается лечение. О самом недуге мы не говорили, так, поболтали о том, о сём. Он никого не принимает, но со мной пошел на контакт.

– Ты же ему как дочь, хотя и не родная.

– Вы правы. Хочу с ним всерьез поработать, надо укрепить его в желании бороться. Если не выгонит меня в следующий раз.

– Об этом не беспокойся. Я договорился, чтобы тебя временно в клинику взяли онкопсихологом и прикрепили к Матвею. Опять же получишь полный доступ к его клинической карте. Согласна?

– Само собой. Как вам удалось? Хотя кому я задаю глупый вопрос!

– Я же в Общенародном фронте, должен заботиться о народе. Ах, если бы он весь состоял из таких людей, как Алехин. В какой стране мы бы жили!

Вид кабардинца – мятая одежда, тюремный запах, страдальческое лицо со свежеразбитой губой – вызывал жалость. Вызывал, но не вызвал, ибо сидельцев сотрудник ФСБ выдывал не раз. Формально, с бомбилы уже сняли показания: «Красивая девушка-следователь попросила денег в долг, я и дал». Колоть его никто не собирался, поскольку таких песен ни один судья слушать не станет. И вот подследственный попросил о встрече «с самым главным». Честь выступить в данной роли выпала оперативнику, достаточно опытному, чтобы казаться руководителем, и достаточно молодому, чтобы временно оторваться от борьбы с врагами внешними и внутренними.

– Что хотел?

– Дайте закурить, гражданин начальник.

– Свои кури.

- У меня в камере отобрали.
 - Твои заморочки. Давай по делу.
 - У меня есть важная информация.
 - У тебя есть арест на три месяца и перспектива загреметь на годы.
 - Вот, я и говорю, начальник, что могу кое-что рассказать, если вы меня выпустите.
 - Хочешь заключить соглашение со следствием?
 - Хочу.
 - Ты же понимаешь, что следствие ведет ФСБ и информация должна быть серьезная и конкретная. Хоть намекни.
 - По террористам. По конкретным людям. Здесь в Краснодаре и на Кавказе.
 - Гонишь!
 - Мамой клянусь, начальник! Женой и ребенком клянусь! Они без меня голодают. Скоро лето, а им одеть нечего. За квартиру платить, чем? Я – единственный кормилец в семье, – таксист разрыдался. – Только нас надо будет спрятать сразу. Иначе убьют.
 - Ну-ну, – стал успокаивать опер, который вдруг поверил хилому страдальцу в наручниках. – Кури меньше, дольше проживешь. Вызову следователя, составите бумагу.
 - Не надо следака, начальника зови самого большого. Пусть слово офицера даст, тогда расскажу.
 - С адвокатом не хочешь посоветоваться?
 - Если ему скажу, меня пришьют прямо в камере.
- Аргумент убедил опера, что он вышел в цвет. Пора звать нач. отдела по борьбе с терроризмом. Праздник – фактические сведения по террористам помогут досрочно получить звание майора, а там, глядишь, начальник в замы возьмет. И обещанную квартиру дадут. Сколько он ждал такой удачи, корпя над грудями проверок, характеристик, экспертиз и прочей муры. Теперь строчить запросы и подшивать документы в дела будут другие. Это поначалу сотрудник мечтал о подвиге, с опытом и возрастом стал реалистом. А чудо пришло, Жар-птица материализовалась, пусть и в плюгавого уроженца гор.

Выпускники Лондонской школы экономики свысока смотрят на питомцев других университетов. Глава отдела макроанализа *Rand Corp.* исключением не являлся. Снобизм проявлял внешне, внутренне был готов простить сотрудникам недостатки в образовании. Особенно, если те приходили с толковыми предложениями, пусть даже идущими вразрез со стереотипами. Помнил, что Джон Кейнс, британский, понятно, основоположник экономической науки, утверждал: «Трудность не в том, чтобы найти новые идеи, а в том, чтобы отказаться от старых». Сейчас его внимание сосредоточилось на драгоценной находке.

– Все заиклены на нефти и газе России, – продолжал бухтеть молодой аналитик. – Действительно, доходы Москвы сильно упали, страна в сложной ситуации. Но здесь не получится надавить еще сильнее. Слишком велик мировой спрос, а бесконечно разыгрывать саудовскую карту не получится: Эр-Риад с трудом балансирует бюджет при нынешних низких ценах и не пойдет, как в 1991 и 1998 годах, на бесконечный демпинг ради дальнейшего подрыва российской экономики. Поэтому стоит обратить внимание на химическую промышленность РФ: миллионы занятых, часто в моногородах; отрасль прямо связана с топливно-энергетическим комплексом; важная статья русского экспорта.

- И что? – уже уловив суть, шеф провоцировал развитие темы.
- Техническое состояние ряда предприятий плохое – только на днях часть Селитрограда провалилась в шахту. Вот, спутниковые снимки – ужас. Опять же многие компании закредитованы выше крыши: чуть что и коллапс. Хуже всего с производством удобрений – самая проблемная отрасль. К тому же удобрения идут в основном на экспорт, только не на Запад, а в развивающиеся страны. Типа Китая и Индии – основных союзников Москвы.

– В общем ситуация с химией шаткая?

– Сильный стресс и мы сможем увидеть, как теория домино действует на практике.

Может, этот гвоздь и станет последним в крышку кремлевского гроба.

– Ну, хорошо, иди, продолжай разрабатывать тему, ищи самые уязвимые места.

Оставшись один, взял клюшку для гольфа и погонял мячик в напольную ловушку. Получалось неплохо. Велел секретарше не пропускать звонки и посетителей, затем набрал номер шефа управления планирования разведопераций ЦРУ. Тот оказался на месте и согласился встретиться вечером. Оставалось продумать, как продать ему ахиллесову пяту Москвы. Цэрэушник лично и устно сделал недавно заказ определить её местоположение, никакой переписки не было. Но в корпорации, служащей «мозговым центром» для правительства, привыкли выполнять капризы ведущих клиентов, а не только официальные контракты.

Глава 11

Свобода

Марк еще не знал понятия «богатство», хотя миллиарды детей на свете позавидовали бы условиям, в которых он жил. Огромные апартаменты в районе, где самое высокое количество полицейских на квадратный метр улиц. Соседи: от президента республики до его любовницы. Масса игрушек, которые мальчугану быстро надоедали и забывались, пока вновь не превращались в новые, будучи случайно найдены в шкафах. Хотя папа появлялся эпизодически, мамы у него целых две. Правда, Элен ругалась, когда малыш «мамкался» с Викторией. *Bonne d'enfant*, вдвоем – француженка и англичанка – создавали вокруг ребенка море внимания. И еще один дядька с пистолетом под мышкой, с недавних пор сидевший в холле или сопровождавший на прогулках.

И, конечно, машины – их паренек обожал, хотя названия выговаривал по-своему: большие «мерседес» и «бентли» с ударением на последний слог, по-французски. Сейчас возвращался от офтальмолога, который разбирался, почему Марк начал косить. Доктор подарил смешные наклейки с картинками и велел заклеивать правый глаз на три часа в день, чтобы мышцы левого лентя привыкали работать в полную силу. Прикольно, только приходилось вертеть головой, чтобы не пропустить что-то интересное за окном. Утрата бинокулярного зрения затрудняла восприятие и ориентацию.

Вика вздыхала, глядя на чадо, будто винила себя в появившейся напасти. Ленка готовилась к вечернему вернисажу и в клинику не поехала, передоверив сестре заботу о здоровье сына. Модель не забивала голову чепухой. А её столько! Вот муж звонил, опять хотел сочувствия и любви по телефону. Будто у неё нет более важных занятий. Видите ли, у него шахта обвалилась, крупные неприятности и финансовые потери. Захотел ласки, мог бы прилететь. Вместо этого канючил, чтобы в деталях рассказала, какое на ней белье одето и как она его хочет потрогать за причинное место. Кретин! Еще и соглядатая приставил. Никакой свободы!

Руслан зависал в зимнем саду «Фреско» – место приятное, тихое, полно деловых мужчин, использующих кафе для частных встреч. Много свободных девушек. Обмениваясь с ними многозначительными взглядами, дагестанец выбирал спутницу на вечер или на ночь, как пойдет. В своем мужском обаянии не сомневался: в тридцать восемь, с гибким телом и черными глазами казался сильным и умным. Плюс стильная прическа-хвост, костюм итальянской ручной работы, много денег и наглости. Прямо у входа ждал навороченный «ренджровер» с шофером-охранником. Что еще надо московским телкам? Сам разборчив, подходила далеко не каждая, если, конечно, не нюхнуть предварительно. С кокаином-то любая выглядит красавицей, можно и уродину отыметь. Правда, с порошком стал осторожнее – башку временами клинило.

Опустил взгляд на золотой «ролекс» с бриллиантами: гость опаздывал. И тут знакомый метрдотель привел к столу мужчину, также презентабельно одетого с отнюдь недешевыми, хотя менее броскими часами. Выглядел пришедший дороже своей зарплаты раза в три, что, по московским понятиям, считалось скромным для сотрудника правоохранительных органов. И прибыл на «скромном», по тем же понятиям, автомобиле, чья цена превышает личный годовой доход раз в пять. У некоторых госслужащих жены прилично зарабатывают. Очень! Так случается, особенно, в Москве. Рынок предполагает неравенство доходов, а Россия – страна с рыночной экономикой. Всё продается и покупается, в том числе информация, даже оперативная.

– Что так поздно, дорогой? Опять ловил шахидок? Или тряс подшефных бизнесменов? – грубовато начал Руслан, напоминая, кто в паре ведущий.

– Начальство совсем охренело: совещаниями плешь проело, – отмахнулся офицер ФСБ, – имитирует активность! Голова трещит. А ты сидишь в приятном заведении, красивых баб глазами щупаешь, носом трахаешь и имеешь наглость меня упрекать.

– Не гуди, выпей водочки и расслабься.

– Не, возьму *мохито*, еще две встречи сегодня.

– С «агентами», типа меня? Бабки стрижешь?

– Ты, Руслан, считай партнер, а числишься «помощником» только для прикрытия. Чего вызвал-то?

– Про Селитроград слышал?

– Ясный перец! Ты тут каким боком? – напрягся опер.

– Никаким. Есть инвестор, желающий лучше знать ситуацию в «Росселитра», поскольку котировки её акций сильно припали. Ты имеешь доступ к материалам по аварии и по компании?

– Нет, хотя наш отдел задействован. Трудновато будет получить доступ.

– Деньги – не проблема. Напрягись, брат. Если вклинишься, возможно, я тебе интересную тему подкину, и начальники останутся тобой довольны.

– Конкурентов хочешь убрать?

– Какая разница? Договорились?

– Заметано. Разнюхаю расклад по «Росселитре». Ты мне потом шепни, когда твой инвестор соберется её акции скупать. Глядишь, и я через брокера наварю на их последующем росте. Или вместе наварим.

– Заметано, брат. Жрать будешь? Или девушку пригласить? Вон ту, с каштановой гривой?

– Не, побежал. Дела.

– Ой, какие мы занятые! Ну, как хочешь. А я, пожалуй, возьму камчатского краба и шатенку.

Поднятые видеозаписи в аэропорту Краснодара показали высокое сходство «пассажира» с разыскиваемым лидером террористов. Затем на Лубянке компьютерная программа распознавания лиц подтвердила: в Египет вылетел Муса! Бюрократический аппарат начал раскручиваться, настраиваясь на серьезные действия. Техники вытащили заднее сиденье из машины кабардинца. Тщательное изучение в лаборатории позволило выявить множество биологических образцов, в том числе мазки крови и сукровицы. Их и само сиденье отправили на ДНК анализ в Москву.

В город прибыла бригада опытных профессионалов, чтобы подготовить проникновение в дом «Торгаша». Обычно подготовка такого мероприятия занимает дни, только сейчас команда «фас» исходила с самого верха. Уже следующим утром на рынке, где дагестанец «решал вопросы», произошла драка, вылившаяся в разборку между хозяевами палаток. Процесс урегулирования затянулся, так как подъехавшие менты против обыкновения проявили утомительный интерес к причинам и последствиям. Намеки на давно сложившиеся отношения с их руководством возымели действие лишь к вечеру.

Жена «Торгаша» отвезла детей в детский сад и направилась в принадлежащий ей салон-парикмахерскую. Там выяснилось, что прорвало трубу и заливает дорогостоящий интерьер. Пришлось лично возглавить борьбу со стихией ЖКХ, в которой победа далась героическими усилиями. Тем временем «новый участковый» зашел к единственной соседке, из окон которой просматривалось домовладение пособника террористов. Там обстоятельно, с чаепитием, собирал сведения по правонарушениям в микрорайоне. Словоохотливая

хозяйка вдохновилась интересом власти к поддержанию правопорядка на вверенной территории.

Тут выключили свет, чтобы обесточить возможные техсредства наблюдения в доме «Торгаша», и два поисковика моментально вскрыли дверь, ведущую в сад. Тщательный обыск отложили до лучших времен, а пока один с видеокамерой бегло осмотрел комнаты – ничего интересного, второй ринулся в ванную и, сняв решетку стока, извлек из слива скопившуюся грязь – главным образом волосы. Потом специальным пылесосом прошерстил пол, кровати и диваны, собирая опять же волосы, частички кожи, кусочки ногтей. Затем особыми салфетками оба протерли столы в поисках следов взрывчатки, пластиковыми полосками сняли отпечатки пальцев с дверей и косяков. Тут тренькнула рация: кабардинец припомнил, что «пассажира» успели постричь. Взялись за расчески и ножницы, где скопилось немало волосистой пыли и слежавшегося кожного жира. Одну расческу, очевидно мужскую и почти новую, изъяли, из-за чего позже «Торгаш» возмущался привычкой жены «куда-то всё запихивать». В ответ хозяйка объяснила, что тот сам не привык «вещи ложить на место».

Рация вновь ожила, так как у дома остановилась автомашинка с неизвестными. Наблюдатели затеяли с ними разговор на тему, как надо парковаться на тихой улице. Поисковики тем временем покинули дом, оставив два «жучка» в розетках на кухне и гостиной. В тот же день группа вернулась в Москву с добытыми материалами. Позже экспертиза подтвердила: ДНК взятых в машине и доме образцов совпадают с ДНК биоматериалов, обнаруженных ранее в убежищах террористов на Северном Кавказе, и близки к ДНК родственников главаря террористов. Его отпечатков в доме «Торгаша» найти не удалось.

Результаты доложили директору Службы, который толи радостно, толи грустно вздохнув, положил документ в папку для доклада Самому. В ней уже лежали данные радиоперехвата переговоров «амиров» Чечни, Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии, обсуждавших гибель Мусы и необходимость выборов нового лидера «Имарат Кавказа». Предстояло решить, по какому варианту докладывать.

Сидя над документами, Красько потирал полысевшую голову то одной, то другой рукой, пытаясь родить приемлемый выход из ситуации. Ничего не получалось. В раздражении сильно втянул воздух и уловил усилившийся запах пота из подмышек. «Проклятая шахта провалилась в самый неподходящий момент! Чтоб ей рухнуть до того, как я купил контрольный пакет. Ведь старые выработки заброшены уже четверть века. Получается, что мы вечно должны откачивать из неё воду, а теперь еще и компенсировать убытки города и железной дороги. И вообще непонятно, что делать с гигантской дырой, которая разрастается. К тому же добычу селитры пришлось прекратить, пока обрушение не закончится».

Советники предлагают продать «Росселитру», но серьезных денег за неё нынче никто не даст. Завтра заседание комиссии, звонили из президентской администрации: № 1 хочет присутствовать. Бизнесмен пытался сказатьсь больным – обещали «прислать доктора». Наверняка, выставят счет за аварию, если компанию не отберут – вон, уже налоговая проверка началась. Требовался хитрый ход, и Михаил снял трубку.

– Леночка, солнышко, прилетайте в Москву, пожалуйста!

– Вот еще! Тут показы мод идут. Не могу!

– Через не могу, любимая. Мне очень плохо, вы мне тут нужны.

– Я в шоке! Миша, ты вообще думаешь о ком-нибудь кроме себя? Марк записан в глазнику, – не сдавалась модель.

– Разговор закончен, – заорал мужчина. – Самолет пришло. Завтра чтоб были здесь!

– Козел! – бросила в уже умолкнувшую трубку женщина. – Придется ехать, – добавила, обращаясь к сестре – Ты с Марком и английская няня тоже летите. Прикинь мою программу в Москве: фотосессии для глянцевого журналов, участие в презентациях. Кстати, постарайся

сделать рекламный контракт с Главным универсальным магазином: Мишаня дал в долг его хозяину, пусть тот мне выкажет уважение.

Последняя фраза, являвшаяся калькой с французского, тем не менее четко описывала характер взаимоотношений Красько с ГУМом, точнее с его главным акционером и идейным руководителем Мироновичем. Крупные капиталовложения в развитие филиалов универсама в других городах потребовали заимствования денег, которые Михаил предоставил, оговорив собственные интересы. Так, его строительная фирма получила подряд на модернизацию ГУМа в самом сердце Москвы, а транспортно-экспедиционная компания обслуживала перевозки товаров. В перспективе холдинг имел виды и на сам ГУМ.

Белка не приходила четыре дня, Алехин волновался за подопечную. Подкармливая орехами, зимой наблюдал, как та забирается на верхние ветки дуба в лесу, перепрыгивает на забор, некоторое время сидит на сколоченном им домике, где весной выведет бельчат, и только затем грациозно скачет к кормушке. Разочаровано отвернувшись от окна, Матвей пошел надевать куртку и ботинки. Собаки оживились: хозяин вновь после долгого перерыва отправляется гулять. Анна настороженно наблюдала за сборами, потом не выдержала.

– Тебе же вреден холодный воздух. Позвони Виктору, спроси разрешения.

– Он мне что, отец родной?

– В каком-то смысле.

– Чувствую себя лучше, выйду минут на десять.

– Ладно, если недолго. Скоро приедут дети. Пойду-ка я с тобой.

Оказавшись за калиткой, риджбеки начали исследование остатков снега, пожухлой травы и кустов. Хозяева брели за ними и автоматически остановились рядом с питомцами, усиленно обнюхивавшими пятно крови в ореоле выщипанной беличьей шерсти. Ни костей жертвы, ни следов хищника! Теоретически лиса, практически куница могли взять белку, но как? Собаки двинулись дальше и нашли место, где начиналась трагедия: капля крови на снегу и рядом единственный отпечаток огромных когтей. Алехин приложил ладонь, его пальцы оказались аналогичной длины.

– Филин сожрал нашу любимицу, – догадался, – ощипал клювом и целиком проглотил. Не переварившиеся косточки и кожу потом отрыгнет.

– Тварь! – с отвращением объявила женщина.

– Тварь божья, – поправил мужчина, – не хуже других, а репутация плохая. Кстати, белка – такой же грызун, как и крыса, а имидж у неё лучше.

– Наверное, за счет пушистого хвоста, – предположила спутница, непроизвольно трогая меховой воротник.

– Или пиар-менеджеры более способные.

– Ладно, натуралист, давай возвращаться.

Во дворе уже парковался Степан, приехавший с Ксенией, чтобы, как таинственно намекнул по телефону, «рассказать важные новости».

Старшие позволили за столом немного *Saint-Emilion*, младшие дружно воздержались. Анна внимательно посмотрела на загадочную Ксюшу, уплетавшую баранину на косточке, и губы её приоткрылись в догадке. Матвей остановил жену взглядом. Поведение детей легко читалось, особенно, когда те взяли за руку, чтобы вместе поделить сокровенным. Бывший разведчик с отвращением отметил в себе неспособность отвлеченно радоваться, хотя удовлетворенно отметил, что его план успешно реализуется.

После ахов и восторгов сын решил и спросил о волновавшем.

– Пап, твое недоумение – главное и для нас. Поэтому я не могу принять предложение Вяземского, если, ну, ты понимаешь.

– Нет причин отказывать от интересной работы, я поправляюсь. Если нужно, ты всегда сможешь прилететь, – уста старого шпиона запели заготовленную песню. – Для тебя важно сделать серьезную карьеру в компьютерном мире.

– Ксения будет рожать в Штатах, – воспарила в перинатальные выси Анна, – Модно: российские «звезды» так делают.

– А вы к нам приедете? – вставила невестка.

– Анечка вне всяких сомнений, когда визу получит. Я постараюсь, если здоровье позволит, – отец поспешил окрасить будущее в розовый цвет.

Будущее, в котором для него нет места, ибо в глубине души он знал, что его враг не сдастся. Притаился и ждет возможности нанести смертельный удар. Человек рождается в одиночку и также умирает. В отмеренном ему промежутке старается сблизиться, слиться с другими людьми. Через игры, секс, любовь, семью, работу, подвиги, преступления. Уже через три секунды после диагноза Алехин чувствовал, как рвутся его связи со всеми, как стены одиночества отгораживают приговоренного к смерти от мира живых. И с каждым днем он будет отдаляться дальше и дальше от тех, кто ему дорог и сидит сейчас за этим столом. И тем более следует выпить сегодняшний день до дна, а ночью заняться любовью с Анной, угадывая, как и в соседней спальне бьются в унисон сердца.

Глава 12

Переезд

Муса раздражался, глядя вокруг. Бескрайняя каменистая пустыня, дрожащий грязно-оранжевый воздух над ней, запахи незнакомых трав и цветов, воскресших короткой весной. Хозяин же соколиной охоты чувствовал себя как рыба в воде, вернее, как ящерица в песке. Чеченцу порядком надоело местное гостеприимство, выразившееся в бесконечных поездках на виллы шейхов, хваставших богатством и влиянием. «Чирьи гнойные, – вздыхал про себя, – с толстыми кошельками».

Таскавший его по кофепитиям и ужинам куратор демонстрировал «русскую обезьяну» за деньги, большие деньги. Их собирали по приказу Бен Султана. Именно от кукловода исходили импульсы, на которые ориентировалась катарская спецслужба. Карательная машина сама по себе не имела серьезного влияния за пределами Ближнего Востока, её проводником во внешний мир являлась Саудовская Аравия.

Куропаток найти не удалось, и, в конце концов, *балобан* схватил летящего голубя, а арабы, сами и запустившие живую приманку, разразились восхищенными криками. Сокольниковичий принял хищную птицу на кожаную перчатку, напялил ей *клобучок* на голову. Солнце заметно поднялось над зазубренной линией горизонта, и охотники поспешили рассестись по кондиционированным внедорожникам. Муса пристегнулся – хозяева так гоняли по долинам и холмам, что дух захватывало.

– Видел, как она его ударила? Только пух полетел.

– Так это самка? – чеченец сильно улучшил свой арабский за прошедшие недели.

– Разумеется, самка в полтора раза крупнее самца, может взять добычу крупнее.

Кстати, твоя соотечественница.

– Неужели с Кавказа?

– С Байкала, там браконьеры отлавливают для нас. Но это же в России, значит, рядом с Кавказом.

Муса даже не поморщился от подобного представления о российской географии – уже привык к безграмотности и безапелляционности хозяев. Кроме брезгливости они у него ничего не вызвали, совсем не походили на его закаленных боями и невзгодами бойцов. Темное в нем закипало, но пар наружу не выходил. Ему еще надо окрепнуть физически и тогда...

Водитель трехосного «гелендвагена» подивился возникшей тишине и оглянулся на пассажиров. Куратор глазами указал на кавказца – тот, казалось, улетел в другое пространство и время, уставившись прямо перед собой и ничего не видя. На белоснежной коже сидения, по обе стороны от его лица и на уровне ладоней, виднелись многочисленные точки и пятнышки желтовато-розового цвета. Врач бы сразу понял: серозная жидкость, сочащаяся из ранок на неприкрытых одеждой участках тела. Шейх-мультимиллионер брезгливо отвернулся: «Уедут, велю обивку почистить или лучше поменять». С отвращением вспомнил, как встречая гостя, жал его руку и прикладывался щекой. «Мерзость, русская мерзость!». И втопил газ шестиколесного зверя, мотор 5.5 литра взревел, ускорение прижало седоков к спинкам.

Чеченец ерзал на узкой – наследие военного происхождения машины – задней скамейке, хватаясь за подлокотник. Вырвавшийся вперед, более легкий «лексус» выбросил из-под колес щебенку. Камень с пушечным грохотом ударил в ветровое стекло. Муса залег, как при артобстреле, а куратор лишь визжал от удовольствия. Выждав спокойный момент, повелитель вездехода повернулся к «струсившему русскому»: «Не бойся, стекла бронирован-

ные!». Лидер террористов мог бы многое поведать на сей счет, но промолчал. «Безопасно им живется за американским щитом и в броневедомобилях! Им бы в нашем джихаде поучастовать, попрятаться от спецназа ФСБ».

Так и мчались в покрытом 18-каратным золотом авто ручной работы: финансист, куратор и исполнитель чужой воли. Еще им неизвестной и от того как бы несуществующей. Каждый полагал, что свободен в своих действиях, что важнее и сильнее остальных. И все ошибались, ибо их свобода, пусть и мнимая, исчезала с каждой минутой полета невидимой им серебряной птички в далеком небе – самолета директора национальной разведки, направляющегося в Эр-Риад.

Оглушительно лязгнула последняя железная дверь – вышедшего принял в объятья солнечный Краснодар. «И как только тюремщикам в голову не приходит поставить резиновые прокладки», – мог бы удивиться кабардинец, переживавший приступ кислородного опьянения после душной камеры. Только мысли роились совсем иные, важные, жизненные. Он слил «пассажира» и «Торгаша», иными словами, стал информатором. Бандиты об этом не знали, зато менты в курсе его показаний против следачки. Шансов в этом городе больше не было, следовало слинять и подальше. Чекисты предложили несколько вариантов, и он никак не мог выбрать правильный. Предстояло начать с чистого листа, перевезти семью, найти жилье и работу. На первое время обещали помощь, затем предстояло внедриться в тамошнее подполье, разрабатывать тех, на кого укажут. Хреновый вариант, однако, только на таких условиях ФСБ прикрыла дело о подброшенных наркотиках и перевела его из взяткодателя в свидетели. Поежившись от холодного ветра, бомбила побрел домой.

У подъезда маячила тачка с затемненными по кругу стеклами. Вылезли двое, одного таксист узнал.

– Рады видеть тебя на воле, брат. Поедем с нами, отметим.

– Мне бы зайти, переодеться, – кабардинец невольно оглянулся в поисках обещанного чекистами прикрытия: НИКОГО!

– Быстренько сгоняем к «Торгашу» и все дела.

– Лады, – обреченно согласился новоявленный агент антитеррора.

Ехали, и правда, знакомой дорогой, а не в лесопосадки, где братва имела привычку закапывать жертвы. В доме ждала накрытая поляна. Обнялись, выпили, закусили, выпили и еще выпили. Дагестанец выпытывал подробности ареста и допросов. Детально и без спешки. В конечном итоге откинулся в кресле.

– Хоп! Правильно сделал, брат. Слил следачку, вывел чекеров на гаишников, подбросивших героин. Ай, молодец! Пусть друг другу глотки рвут. Только тебе здесь житья не будет, надо искать новую берлогу.

Бомбила возблагодарил Аллаха! Вслух, а мысленно того капитана, что его инструктировал. Прав фээсбэшник оказался, хитрый сука!

– Куда же мне теперь? Где и как жить? Посоветуй, уважаемый. Чекисты предлагают защиту, как свидетелю обвинения, но оно мне надо? И потом это в Кабардино-Балкарии. Там работы не найду.

– От защиты не отказывайся, пригодится, если менты прижмут. А затеряться лучше самому. Дам тебе адресок в Волгограде, там племянники бизнес ведут на центральном рынке. Помогут. Завтра и отваливай.

– Спасибо огромное! Только тачку мне не вернули.

– Забудь. Денег дам на первое время, а на месте одолжат на колеса. Потом отработаешь.

В ржавой «газели» старший лейтенант ударил ладонь в ладонь младшего. Агент действовал по инструкции, «Торгаш» заглотил легенду. Качество звука удовлетворительное, можно докладывать наверх. Оперативник подтолкнул локтем напарницу: «Давай, звони –

твоя очередь радовать начальство». Девушка улыбнулась и, уже не столь критически взглянула на коллегу по «прослушке»: «И вовсе не хам, оказывается». При таком раскладе конец смены казался не столь далеким, а её течение – менее скучным.

Через час руководитель отдела вызвал капитана, что раскрутил кабардинца. Вручил погоны с майорскими звездами: «Пока неофициально, скоро жди приказа. Квартиру тебе дадут, видимо, в Волгограде. Переезжает твой подопечный, и тебя переводим. Мать пошла, так держать. Только не трепись: ребята начнут завидовать, разговоры пойдут». Позже в Москву ушла шифровка.

...Во исполнение плана дополнительных мероприятий по делу о бегстве «Зверя» управлением ФСБ осуществлена вербовка спецаргента «Смирнова» из числа пособников террористического подполья, за которыми установлено плотное наблюдение.

Компрометирующие материалы на агента задокументированы надлежащим образом и позволяют длительное время контролировать его поведение. С учетом привязанности объекта к семье имеется также моральная основа для долговременного сотрудничества. Возраст и биография позволяют рассматривать его в качестве перспективного помощника, способного при нашем содействии приобрести авторитет среди террористических и криминальных элементов соответствующей этнической принадлежности.

В соответствии с Вашими указаниями приняты меры по глубокому внедрению агента в круг лиц, подозреваемых в причастности к выводу «Зверя» за рубеж. По их каналу «Смирнов» выезжает в Волгоград. Перед ним поставлена задача установления нужных контактов, а также их изучения и разработки. Легенда и условия связи отработаны.

Операция проводится с соблюдением повышенных мер секретности.

Непосредственное руководство внедрением предлагаем возложить на старшего оперуполномоченного..., завербовавшего источника. Он отбыл по новому месту службы. В качестве поощрения просим досрочно присвоить ему звание майора.

Ответ пришел быстро.

...Отмечаем результативную работу по «Зверю». Поддерживаем ваше предложение о досрочном присвоении очередного звания старшему оперуполномоченному ...

Необходимо продолжить усилия по полному раскрытию круга лиц, причастных к отъезду «Зверя». Спланируйте и доложите комплекс мероприятий по «Торгашу», конечной целью которых должен стать выход на его связи из числа террористов в Краснодаре и других регионах.

...Опираясь на сообщенные «Смирновым» данные, установлен маршрут движения грузовика, в котором «Зверя» доставили с Северного Кавказа. По соображениям конспирации сочтено нецелесообразным проводить разработку этого канала по месту регистрации автомобиля. Приказываю вам задействовать технические средства для обнаружения тайника в данной автомашине, не вступая в оперативный контакт с водителем.

Пожилая лошадь косила круглые томные глаза на мальчика. Она повидала множество седоков, а такой мелкий подошел к ней впервые. Точнее, его принесла на руках мать, которая и сама не знала, как приближаться к *липициану*. *Берейтор* совал морковку в руки женщине, мол, угости животное, а та шарахалась, как черт от ладана. Парнишка вообще впал в ступор и вцепился в мамашу почище детеныша макаки. Правда, потертому кожаному «дивану» не до аналогий: внимание сосредоточено на сканировании местности в поисках важных предметов – вкусной еды, страшной обертки от конфет и т. п. или важных существ – соседей по конюшне, конюхов. Малыши не интересовали как класс. Если не садились на широкую прогнутую временем спину кобылы.

Марк собрался с силами и заорал от ужаса. Лошадь отпрянула. Виктория отшатнулась. Поручение младшей сестры, занятой фланированием по Москве, и раньше воспринималось

как бред, а нынче выглядело издевательством: «Научи ребенка верховой езде, пусть приобщается к элитарным видам спорта». «Трехлетний всадник! Чушь! – бурлило в голове суррогатной матери. – Сама Ленка пусть влезет на громадное чудище!» И уже подойдя к ожидавшему «мерсу», погладила по голове, успокаивая сынишку: «Скажем мамке, что *берейтор* отказался тебя взять в ученики из-за возраста. Ладно?» Мальчуган смышлено кивнул, пусть и не понял новое слово.

Директор национальной разведки или ДНР, как его кратко именовали, ненавидел длительные зарубежные поездки – увы, неизбежный элемент его деятельности. Приходилось совмещать встречи в разных странах, совершая перелеты по миру. Комфортабельный «боинг» серой правительственной раскраски вылетел с авиабазы Эндрюс три дня назад, уже побывал в Великобритании и направлялся через Саудовскую Аравию в Японию. Хорошо хоть на борту имелась спальня и ванная. Еда, безусловно, никакая, что вместе с *jetlag* напрягало. Опыт заставлял независимо от времени суток действовать автоматически: взлет – двойной виски плюс салат – сон (сколько удастся) – душ – кофе – работа с документами (если полет длительный) – посадка.

– Добро пожаловать, сэр! – посол и резидент произнесли хором («Репетировали, что ли?»). – Желаете в посольство или в резиденцию Бен Султана? Он ожидает вас.

– Посольство. Пусть туда подъедет.

Кавалькада черных «кадиллаков» с летного поля выехала на шоссе и устремилась в столицу. ДНР не питал симпатии к внедорожникам «эскалейд», считая их атрибутом рэперов и крутых бандитов. Но безопаснее чувствовал себя внутри бронекapsулы на колесах. Официально такая машина должна была выдержать выстрел из ручного гранатомета, но директор читал слишком много оперсводок, чтобы знать: защитит максимум от очередей из «Калашникова».

В нынешний бурный век это лучше, чем ничего. Тем более в Эр-Риаде, под спокойным фасадом которого скрываются мощные внутренние противоречия и конфликты с соседями. Недаром во главе и в хвосте колонны шли БТРы местной полиции. «Сколько еще продержится королевство?» – и ДНР горячо возжелал, чтобы саудитская «мина замедленного действия» не рванула, пока он занимает свой пост. Когда она жажнет, Ближний и Средний Восток изменятся кардинально. Чего никому не хочется, во всяком случае, в Вашингтоне, во всяком случае, пока. Опыт войн в Ираке и Сирии не настраивал на оптимистический лад.

Глава 13

Эпикриз

Записи отличались подробностью и сопровождались комментариями. Очевидно, Алевтин полностью следовал её советам и не притворялся перед самим собой. Или притворялся, но тогда был лучшим психологом, чем Мария. Хотя в его шпионских способностях не сомневалась, представлялось невероятным, чтобы измотанный недугом и лечением человек сумел в краткий срок так глубоко проникнуть в глубины онкопсихологии. Закончив чтение, Шпагина отложила в сторону дневник и подняла голову: в серых «дисплеях» напротив бежали телетитры её мыслей, будто она произносила свои догадки вслух. Не сильно удивилась, некоторые пациенты приобретали способность видеть врачей насквозь. И только единицы могли также легко и честно заглядывать в свою душу.

– Матвей Александрович, – попыталась сгладить момент, – ваши заметки очень ценны для понимания изменений в психике людей, оказавшихся в подобном положении.

– Дарю. Используй, если надумаешь писать научную статью или диссертацию. Без указания имени – не хотел бы, чтобы узнали, сколько горечи и ненависти во мне. Сам удивляюсь: лекарства действуют – я превращаюсь в «овощ», а в промежутках между курсами химиотерапии – в желчного социопата. Кремль видится обителью зла, этаким Карфагеном, который должен быть разрушен.

– Довольно типично. Особенно, что касается поисков причин заболевания, перекладывания вины на власти и общество, тяги к богоискательству. Поражает честность изложения.

– Тебе спасибо, что посоветовала быть искренним с самим собой, отмечать каждый новый момент. Только поэтому я ещё способен видеть разницу между прежним и нынешним состоянием ума, осознавать, что в мыслях моё истинное, а что привнесено проклятой хворью. Поверь, не хочу меняться из-за рака. Хочу остаться таким, каким меня знали семья, друзья, я сам, – навернулись слезы, но не смогли остановить последнего откровения. – Только вряд ли смогу.

– Ну, ваше состояние улучшилось, вы вполне контролируете эмоциональные всплески, – поспешила бросить спасательный круг Шпагина. – И эпикриз довольно оптимистический. Думаю, хватит сил не уступить болезни и духовно. Только нужны мощные стимулы и вызовы, способные мобилизовать волю. Желательно встряхнуться. Пассивная борьба должна смениться активной.

– Полагаешь? Хм, подумаю. Поезжай-ка ты к себе, уже поздно. Что со старым хрычем сидеть.

– До свидания, Матвей Александрович.

Архитектура – нимфоманка. То ей по нраву кубизм, то минимализм или еще какой «изм». Кто бы мог предположить, что здания посольств, ранее изобиловавшие колоннами, портиками и прочими приметами государственного величия, превратятся в бетонные крепости. Окна с фасадов исчезнут, решетчатые ограды заменят на противотанковые стены. Что сами дипмиссии! Кварталы вокруг ошестинятся блокпостами и надолбами. И чем страшнее комплекс, чем больше вокруг полиции, тем важнее держава, чей посол прячется внутри. По этим признакам любой может догадаться, что приближается к посольству США даже в дружественной стране. Глава саудовской разведки бывал здесь часто, но даже его каждый раз поражало сочетание безукоризненных костюмов дипломатов и полной боевой экипировки морпехов. «Квинтэссенция американская дипломатии: красивые слова плюс военный кулак».

Комната наглухо отрезана охраной и бронированной дверью. Мало мебели, никаких элементов декора, штукатурка по кругу, под ней многослойный *кевлар*. Чтобы никто не подслушал извне, не смог спрятать микрофон внутри или внедрить из соседнего помещения. Только кофе, вода, фрукты, арахисовые орешки и безвкусные крекеры, что нравятся лишь американцам.

Разговор *тет-а-тет* затянулся за полночь – проблемы Востока можно обсуждать бесконечно. ДНР заверял, что США не намерены сблизиться с Ираном. Бен Султан клялся, что Саудовская Аравия – самый надежный союзник Вашингтона. Оба не договаривали, оба сомневались в искренности друг друга. Обычная история в мире разведки. Зато по конкретным вопросам, насущным для обеих стран, говорили предметно и на одном языке. Всегда лучше сотрудничать против общего врага, далекого и чуждого, особенно, если имя ему – Россия.

– Я лично пытался склонить Москву к взаимопониманию, – жаловался Принц, – беседовал с русским президентом. Предлагал помочь их экономике закупкой вооружения на миллиарды, обещал гарантии безопасности от исламского терроризма. Бесполезно, шакал кивает головой и гнет свою линию и по Ирану, и по Сирии.

– Дорогой Бен Султан, неужели надеялись на иную реакцию? Не станет Кремль заложником саудовской доброй воли в борьбе против боевиков и ваххабитов. Там понимают, что королевство может придержать моджахедов на Кавказе, урезав им финансовую помощь из стран Залива. Но также осознают, что раз ВВ просите, значит, позиции Эр-Риада слабы.

– А как бы следовало действовать, господин директор?

– Простимулировать активность боевиков, ждать, пока Москва сама не обратится за помощью, и тогда диктовать ей условия.

– Это уже делалось, а результатов не дало.

– Не совсем так, уважаемый коллега. Во время крупнейших акций северокавказских повстанцев Москва обращалась за содействием и информацией. Достаточно вспомнить захват школы в Беслане, тогда русские звонили всем основным игрокам. Чтобы привлечь внимание Кремля, нужно крупное событие в чувствительной точке и в точное время. Нечто такое, что ударит и по политике, и по экономике.

– Вы думаете, что говорите?

– Я говорю, что думаю. Именно так считают в Белом доме.

– И здесь хватает сторонников жесткой линии в отношении России, но никто не согласится обнулить цены на нефть, как в 1991-м, когда рухнул Советский Союз, или в 1998-м, когда России пришлось объявить дефолт. Существенное снижение уже произошло, но его никто – ни США, ни Саудовская Аравия – не выдержит более двух-трех лет. У королевства сейчас нет такого запаса прочности, чтобы гробить свой основной источник дохода.

– Мы тоже не желаем длительного ценового коллапса, который похоронит сланцевую нефте- и газодобычу, опору энергетической независимости США. Речь о другой отрасли, важной для русских, но не для наших двух стран.

– Есть еще одно затруднение – король колеблется. В нынешней ситуации не готов к смелым шагам. Предпочитает рассуждать о поиске политических решений.

– Нужны люди, которые будут действовать, а не обсасывать проблему за бесконечными чашками вашего чудесного кофе.

– В здешних краях гостит как раз такой специалист. Правда, ваш госдепартамент объявил вознаграждение за его голову – пять миллионов долларов.

– МУСА ЗДЕСЬ? ОН ЖИВ? – ДНР не верил ушам. – Наша радиоразведка перехватила переговоры среди боевиков по поводу выборов нового лидера.

– Жив, хотя болен. Подлечился и способен возглавить акцию, по крайней мере, руководить дистанционно.

– Прокачайте его, пока в общем плане. Выясните, сколько людей сможет привлечь, желателен участие не только кавказцев и мусульман.

– Лично с ним не общаюсь, его нет на территории королевства. Контролирую Мусу через посредников.

– Разумно. Так мы договорились?

– В общих чертах. Важны детали.

– Идея акции за мной. Подробности последуют. Мой резидент будет держать вас в курсе.

– Надеюсь, завтра мы продолжим беседу у меня.

– Вы очень гостеприимны, благодарю за приглашение. Увы, пора вылетать в Токио.

ДНР был в состоянии оценить саудовское гостеприимство, даже не побывав во дворце Принца. Резидент поведал, что после полуденной молитвы на парковке перед торговым центром палачи обезглавили сорок семь приговоренных: как местных, так и «гостей». Они колебались по поводу здешних порядков и, видимо, амплитуда колебаний показалась спецслужбам излишне широкой. Шкалу откалибровал лично Бен Султан, известный жестким подходом к врагам королевства и противникам ваххабизма. В данной сфере он не нуждался в советах «Большого брата»: по смертным казням Саудовская Аравия далеко обогнала США, отстав лишь от Китая, Ирана и Ирака. Зрителей на экзекуции собралось немного – человек 20, включая полицейских – на солнцепеке стоять неохота. Событие пустяшное по сравнению с распродажей в молле, где центральное кондиционирование воздуха.

Директор привык закрывать глаза на любую кровь и насилие, если те вписывались в американскую картину мира. «47» вписались, как и Муса. Глаза закрылись: взлет-виски-сон.

Русский отдел, хотя и утратил ведущее положение в ЦРУ, остался в центре внимания начальства. С одной стороны, хорошо: прямой доступ в главные кабинеты и серьезные ресурсы. С другой, плохо: высокие требования и неоднозначная репутация. Смутное время в России позволило добиться оперативных успехов и обзавестись агентурой высшего уровня. Но, поскольку Москва набирала силу и заговорила громким голосом, работать стало сложнее. Руководство требовало чудес, а с волшебниками не складывалось. К тому же череда предательств в рядах русистов, ставшая причиной скандалов в недалеком прошлом, ограничивала доверие к сотрудникам, затрудняя их карьерный рост. Это вызывало недовольство и порой тихий ропот тех, кому приходилось учить трудный русский язык и вникать в глубины славянского менталитета.

Пройдя путь от новичка до главы отдела, Джек Макалистер знал об этом не понаслышке. Приближаясь к пенсии, не питал иллюзий относительно повышения по службе: в прошлом году безуспешно претендовал на вакансию шефа управления планирования разведопераций. Директор ЦРУ, он же ДНР его недолюбливал. Так и сказал: «От нового начальника УПРО мы ожидаем проявления лидерских качеств и выполнения поставленных задач на максимальном уровне». То есть, плюнул в лицо, обвинив претендента в отсутствии оных! Назначил на должность своего помощника-проходимца, который ему раньше портфель таскал и напитки подносил!

Взять, к примеру, готовящуюся операцию к президентским выборам в Москве. ДНР поставил несколько ориентиров и велел подобрать исполнителей. А составление плана и проведение не доверил! Видимо, собрался вообще схарчить в обозримом будущем. Никакого уважения и признания оперативных заслуг! На днях его холуй вызвал в УПРО и долго выносил мозг, а затем ушел «наверх» и вернулся лишь через полчаса! Злость кипела, артериальное давление повышалось. Затем многолетняя выучка взяла верх, и мозг переключился на рациональное мышление.

Ведь, если взглянуть на проблему иначе, еще неизвестно, кому проклятая операция принесет больше вреда или пользы. Кабинетные интриги – вещь обоюдоострая, а излишняя засекреченность порой дает неожиданные протуберанцы. В секунду сложился замысел, который позволит усидеть в своем кресле и даже вновь претендовать на место главы УПРО. При неблагоприятном исходе уволят на пенсию, как максимум, но возможны некоторые выгоды и в таком случае.

Вернувшись к делам насущным, Макалистер испытал очередной приступ постоянной необходимости контролировать события и окружение при любых обстоятельствах. Не то, чтобы не доверял подчиненным, просто ничего не мог с собой поделаться. Вот и в данный момент испытывал страстное желание отчитать сотрудника, пришедшего с неутешительной вестью.

– Прямо-таки партнерам некого нам предложить? На бумаге существует сонм агентов и информаторов, а не могут подобрать подходящего кандидата? Скверно!

– Никого с заданными параметрами. Из завербованных чекистов многие уже покинули Россию и не желают туда возвращаться. Да, если бы и удалось их уговорить, как из предателей сделать героев в глазах тамошнего общественного мнения? Действующие агенты работают за деньги, передавая полезные данные. По психологическому профилю ни один не подходит. Никто из них не согласится.

Отпустив подчиненного, Джек помассировал обрюзгшее лицо, виски и затылок. Прибавив в весе, разведчик потел так сильно, что к голове прилипали редкие рыжеватые волосы, зачесанные сзади вперед. Раздражался, когда глядел в зеркало, понимая, каким его видят сотрудники. Сейчас размышлял о другом: «Ничего нельзя поручить! Хочешь сделать хорошо, делай сам!» Стал напрягать память, благо еще в порядке, перелистывая страницы истории отдела в поисках нужной фигуры. Увы, она не всплывала. Решил подождать, не подкинут ли кого британцы. Если нет, придется потрясти и спецслужбы других стран. Вызвал секретаря.

– Направь напоминание резиденту в Лондоне потеревить англичан в связи с поручением, которое ДНР им дал, будучи в Великобритании.

– Сделаю. В приемной ждет тот человек из *Rand Corp.* – помните, шеф УПРО просил рассмотреть в качестве стажера в отдел. Вот его досье. Даже русский язык немного изучал, что нынче редкость.

– Дай пять минут, чтобы пролистать бумаги, и запускай.

Высокий посетитель тонким загнутым носом и острыми чертами лица напоминал птицу. Даже торчащие волосы, быстрые жесты и меняющий модуляцию голос также из пернатого мира. Но мозг совсем иного класса. Такой требует большого и крепкого черепа, сильной шеи, развитой системы кровоснабжения. С большущей головой в воздух не взлетишь. Лишь полет фантазии не ограничился тяжелой и энергозатратной инфраструктурой, которая в сочетании с тонкими руками и ногами выглядела карикатурно. Внешность бросалась в глаза и совсем не подходила для шпиона, который не должен выделяться в людской массе.

– Таким образом, любое потрясение в химической промышленности чревато цепью негативных последствий для экономики в целом. Машиностроение, транспорт, энергетика, сельское хозяйство и еще ряд отраслей оно затронет непосредственно и серьезно, – вещал гость.

– А масштаб бедствия за пределами России? – поинтересовался Макалистер, уже решивший предложить аналитику временный контракт в агентстве.

– Пострадают страны-импортеры.

– Китай?

– В первую очередь.

– Можешь привести конкретный пример?

– Авария в Селитрограде ударила по производству удобрений, что срывает поставки в КНР и ведет к росту цен на аммиачную селитру. Отсюда рост издержек в китайском агро-секторе, что вызовет со временем повышение цен на рис. Опять же селитра используется в изготовлении взрывчатых материалов, в том числе для военных целей.

– ОК, парень, а что скажешь про компанию, владеющую шахтой в Селитрограде?

– Тут самое вкусное. Котировки акций снизились, наверняка у владельцев финансовые проблемы, вероятны претензии властей. Следует выяснить подробности, но, почти уверен, что ситуацию попытаются использовать для рейдерского захвата. Там пара акционеров, оба физические лица – есть база для конфликта их интересов. В России личные отношения всегда разрушающе действуют на корпоративную устойчивость. Похоже, русские не понимают, что если два человека зарабатывают каждый по рублю, а вдвоем могут заработать три, то им следует действовать сообща. Часто корпоративные споры там заканчиваются стрельбой.

– Письменный доклад и устный анализ интересны, поэтому дам тебе возможность развить тему применительно к нашим требованиям.

– Я готов. Какие требования?

– Прежде всего, секретность. Подпишешь обязательство о неразглашении. Ребята из ФБР уже сделали проверку на лояльность: не был ли твой папа коммунистом, не ешь ли ты американский младенцев на завтрак. Как обычно. С *Rand Corp.* перевод согласован. Контракт заключим, первоначально на год. Зарплата, с учетом нашей специфики, вырастет несущественно, зато соцпакет приличный.

– Предложение неожиданное, – «Птица» взмахнул руками-крыльями, взъерошил рыжеватый прямые волосы, – но я согласен. Мне дадут доступ к вашей информации по селитровой компании?

– К данным, добытым Агентством национальной безопасности и ЦРУ. Иначе не сможешь сделать для нас «конфетку». Проведешь под моим руководством два-три учебных задания, возможно, рекомендую тебя на оперучебу, а там, глядишь, станешь полевым оперативником.

– Замечательно, давно хотел заниматься чем-то прикладным.

Джек грустно смотрел на парня кельтского типа – высокий, худой, кожа бледная с веснушками, глаза серо-зеленые. «Идеально подходит для моего замысла и сам хочет, чтобы его «приложили», – прикинул опытный оперативник. – Если ДНР провернет свою операцию, башковитого ждет печальная судьба. А пока радуйся, дурачок!» Сколько наивных энтузиастов Макалистер перевидал! И всегда одно и то же: любовь к тайнам и интригам, равнение на звездно-полосатый флаг. У тех, кто задерживался, быстро наступало отрезвление, если не разочарование. Этот не задержится – вон, как полетел окрыленный. Прямо белоголовый орел с герба США. Немногие в курсе, что у эмблемы есть и вторая сторона, та, где всевидящий глаз над масонской пирамидкой и фраза: *Novus Ordo Seclorum*. Единицам знаком перевод с латыни: «Новый порядок эпохи».

Посидев еще немного над бумагами, Джек отправился из Лэнгли домой. Нет, не в черный Вашингтон, а на другую сторону Потомака, в край поместий, вилл и симпатичных коттеджей, где обретались приятные соседи, главным образом, белые англосаксы протестантского вероисповедания. Именуемые аббревиатурой *WASPS* («Осы»), они так же, как крылатые насекомые из отряда *перепончатокрылых*, являлись хищниками, строили гнезда и часто образовывали колонии. Имелось и различие: в данной части штата Вирджиния жили только богатые «осы».

Конечный отрезок пути «джип» преодолел по лесным дорожкам, сколь красивым, столь и опасным из-за обилия оленей. Припарковался у въезда в гараж, прошмыгнул внутрь, чтобы поглядеть и пощупать личное сокровище – создаваемую им железную дорогу, скорее настоящую, чем игрушечную, с холмами и туннелями, станциями и разнообразным подвиж-

ным составом. Часть вагончиков раскрашена, часть – еще нет. Взял один без надписи, открыл его крышу, спрятал маленький груз, положил в карман.

Прошел в дом, где за ужином строгая жена рассказала, какой трудный у неё выдался день – церковная община никак не могла собрать нужных денег в помощь голодающим детям в Африке. Закончив обильную еду, подбравший Джек вынул чековую книжку. После одобрительного поцелуя супруги достал сигару и отправился на террасу с чувством исполненного долга. Попыхать дымом – наслаждение, хотя и бесполезное. И почему в мире всё, что приятно, является вредным, аморальным или ведет к ожирению?

Глава 14

Крот

Региональный разведцентр размещался на базе США в Фушу, что в западной части Большого Токио. Официальное предназначение – узел военной связи, а неофициально – координация сбора информации, проведение агентурных и технических операций. По японскому «бюджету симпатии» американским военным ежегодно выделялось несколько миллиардов долларов, часть из которых позволяла ЦРУ следить за Восточной Азией и частью Тихого океана. В первую очередь, за быстро набирающим силу китайским драконом.

ДНР слушал, наслаждаясь *улуном*. Чудесный чай, по словам доставившего его резидента ЦРУ в КНР, снижал вес, боролся с раком, гипертонией и еще массой болячек, препятствовал деградации мозга и нервной системы. Толи эти качества, толи новости способствовали поднятию настроения у высокого гостя.

– Так, говоришь, удалось серьезно улучшить позиции в финансовом секторе?

– Как и планировалось, сэр, наша точка в Шанхае расширила число информаторов в банковских кругах. От них поступают полезные сведения по экономике и политике Пекина, а также оперативные данные на местных бизнесменов и чиновников.

– Какой из банков наиболее активен в крупных сделках с госучастием?

– Государственный Шанхайский Банк.

– В нем есть серьезные контакты?

– Старший вице-президент по зарубежным операциям. Доносит о крупных китайских сделках за рубежом и об участвующих в них лицах.

– Бизнес в России?

– В том числе, хотя он имеет исключительно коммерческий характер. Военно-техническое сотрудничество финансируется, к сожалению, по другим каналам. ГШБ действует по запросам компаний-клиентов или сам проявляет инициативу. Порой получает импульсы от правительства. Иногда инициатива исходит и от банков-партнеров. Вы же знаете, что финансовая система КНР не испытывает недостатка в денежных ресурсах и имеет мощную подпитку от Центробанка, особенно, если кредитуемые проекты отвечают национальным интересам Китая.

– Инициатива может исходить от западных банков-корреспондентов?

– Нередко так и происходит, сэр, поскольку китайцы еще недостаточно профессиональны в сфере международного корпоративного финансирования, например, слияний и поглощений.

– В ГШБ есть западные менеджеры?

– Да.

– Нужен не наш сотрудник и не американец.

– Не могу сразу ответить, нужно уточнить.

– Немедленно дай поручение определить кандидата для использования втемную. Ответ я хочу увезти с собой, вылет поздно вечером. Это в рамках того проекта, что мы обсуждали в нью-йоркском офисе.

– Уже догадался. Нельзя ли уточнить задание?

– Скажем так: человек должен передать китайцам информацию, которая подтолкнет ГШБ к участию в сделке. Сама сделка представит несомненный интерес для китайской корпорации, то есть, будет отвечать национальным интересам Пекина.

– Правильно понимаю, что требуется возможность полного отрицания нашего участия?

Директор национальной разведки молча кивнул. Резидент наморщил лоб: задача выглядела простой, хотя с запашком. А босс, выпрашивая детали, выпил пять чашек *улуна* и едва не описался, значит, задача сложная, поэтому принохиваться не следует. Пусть в Вашингтоне ломают голову, а наше дело – отправить запрос в шанхайскую резидентуру. В положительном ответе был уверен, сомневался только в имени – не запомнил. Парня из ГШБ видел с полгода назад, обычный голландский банкиришка – высокий, светлый, жаловался, что негде на коньках побегать. Сразу называть кандидата резидент не стал, вдруг Шанхай предложит и других. Уже к вечеру прояснится будущее конькобежца. Шпион – отчасти *демиург*, способный подправлять планы Создателя и тем менять судьбы людей.

После паузы глава национального разведсообщества предпочел уйти с обсуждавшейся темы.

– Правда, *улу* производят только из взрослых листьев чайного дерева? Поэтому продукт дороже и менее распространен?

– Да, сэр. Мне привозит оперативник, действующий по программе *GDI* под прикрытием импортера элитных сортов чая.

– Постой, «Инициативу глобального развертывания» мы уже свернули. Пять тысяч бездельников, якобы почти нелегалов, только проедали бюджет, а отдачу давали нулевую.

– Этот выучил китайский и шурует в глубине континентальной территории Китая. Завел полезные контакты, в том числе одного полицейского в закрытом районе, где строится система подземных туннелей для межконтинентальных ядерных ракет. В перспективе ...

– Ладно-ладно, про чай расскажи.

– Листочки скручивают в плотные комочки, чтобы минимизировать их контакт с воздухом, иначе будет происходить излишняя ферментация.

– Вот как! – ДНР пристально взглянул в глаза подчиненному, понял, что того не удалось сбить со следа словесной эквилибристикой. – Если кандидат найдется подходящий, то ты его потом в «комочек скатаешь»?

– В лучших традициях. Своими руками.

– Лучше китайскими. «Импортер» организует?

– Абсолютно. Очень толковый.

Прогулки становились длиннее, шаг убыстрялся, Алехин ощущал, как в тело возвращается энергия, а с ней и оптимизм. «Неужели проскочу?» – вслух, конечно, не произносил, чтобы не сглазить. Химиотерапия дала ощутимый эффект, и с её окончанием отстали не только волосы, но и сроки планирования будущих действий. Только червь сомнения портил картину, заставлял мрачнеть, глядя на исхудавшее лицо с ежиком почти платинового оттенка. И еще не хотелось смотреть на струю, несущую в писсуар остатки отравы и умерших клеток-паразитов. От запаха деваться некуда: даже если отвернуть нос, то верный пес шумным вдыханием анализируемого воздуха напомнит, что моча совсем не золотистая. Зато врачи настроены позитивно. Привыкший тонко чувствовать нюансы чужого поведения, шпион заметил, как белые халаты перестали избегать его взгляда и мучительно подбирать нейтральные слова. Также симптоматично, что проходящая медсестра шлепнула по руке, когда он как бы случайно погладил её тугое бедро. Матвей не вкладывал в жест приглашения к продолжению, так, настроение нахлынуло, чего в период бессилия не случалось.

– Обед готов, – раздался голос из кухни.

– Бегу, Анечка, – с энтузиазмом ответил мужчина, чей аппетит уже посылал сигналы голода по стволу мозга в его переднюю область, которая, обработав, сформировала заключение «жрать хочу».

– Не забудь принять таблетки, – тон жены за время болезни стал отчасти приказным, – и звонила Шпагина, обещала скоро быть.

Довольный ветеран переваривал тарелку овощного супа и порцию пасты с морепродуктами, что затуманивало голову, которая вновь наполнилась многообразием образов и затей. Сквозь туман проступала идея открыть бутылку тосканского в честь приезда онкопсихолога. Кроме приятных вкусовых ощущений это могло выставить пациента в выгодном свете, что требовалось для успокоения друга, рвущегося к нему гости. Алехин не сомневался, что Мария информирует Чудова – её опекуна и бывшего зам. директора СВР.

– Машенька, не сочти за труд, набросай для меня мой же психологический портрет, – приступил бывший шпион к реализации очередного пункта своего плана. – Типа, как стальная воля чекиста дала трещину под ударами рака легких. Как его веселая и живая личность трансформировалась в нечто гротескно-мрачное и деградирующее. Затем вплети нотку надежды, когда химия начала побеждать раковые клетки. И прогноз, как лучевая терапия скажется. Концовка в двух вариантах – пациент отбрасывает коньки или убегает на них к радостям бытия.

– Замысел интересный. Только зачем? Еще не время.

– Зачем еще не придумал, но *postmortem* я прочесть не смогу. Сделай, вдруг пригодится. Только не болтай об этом с моим семейством.

Из докладной записки.

«...Нами проведен внешний осмотр и технический контроль грузовика, на котором ранее была осуществлена доставка «Зверя». Использовался передвижной пункт рентгеновского сканирования большегрузных автомобилей на трассе «Дон». В целях зашифровки одновременно подверглись просвечиванию 12 машин, следовавших в попутном направлении.

В рефрижераторе выявлена скрытая внутренняя полость размерами 190 × 65 × 40 см. Она оказалась пуста. Проверка документов показала, что фурой управляет по доверенности брат хозяина. Под легендой знакомства с владельцем наш сотрудник выяснил, что тот, по словам брата, погиб на территории Ингушетии в результате наезда неустановленного автомобиля. Дата смерти примерно соответствует его предполагаемому возвращению из Краснодара после доставки «Зверя».

Установочные данные погибшего и его брата, полученные по базе ГИБДД, прилагаются. Экспертное заключение по грузовику прилагается».

«Смирнову» Волгоград не понравился: скучный индустриальный город послевоенной постройки. Только на привокзальной площади виден фонтан сталинской стилистики «Детский хоровод». При ближайшем рассмотрении и тот оказался новоделом – старый фашисты разбомбили. Сам вокзал пытались взорвать шахиды, только кабардинец об этом узнал позже. А сейчас, сойдя с поезда, нашел телефон-автомат и набрал нужный номер. Ответа долго не было, но затем трубка зарычала «Пошел нахрен!» После ссылки на «Торгаша» абонент сменил тональность и велел ждать.

Переволновавшийся капитан, почти уже майор, наблюдал со стороны, как подъехавший черный «хаммер» заглотил агента. Оперативник прилетел раньше, но едва успел к приезду своего протеже: местный аэропорт, расположенный в низине, был по обыкновению закрыт туманом и долго не принимал самолеты. «Сталин или Берия, наверняка, расстреляли проектировщика, выбравшего столь неудачное место», – беззлобно пробубнил фээсбэшник. Закурил на ветру и побрел представляться новому начальству. Предстояло выбить место в общаге, семья пока осталась в Краснодаре. Потом придется устанавливать контакт с новыми коллегами. Как-то они примут новичка? Летел он через Москву, где прошел инструктаж: поддерживать ровные отношения, опираться на местные ресурсы, «Смирнова» не раскрывать, докладывать напрямую в Москву. Приказывать легко, выполнять приказы сложно.

«Стукачок» с ненавистью смотрел в монитор: досье на Красько не содержало компрометирующих моментов, которые можно было бы выгодно представить Руслану. Пришлось приложить немало сил, чтобы подключиться к деятельности группы, расследующей аварию в Селитрограде. Он давно понял, что оперативная работа – самая неблагодарная в Службе – общаешься с поддонками, а продать нечего. Другое дело – аналитика: сведения стекаются отовсюду и несложно найти кусок на продажу. Чем пахучее – тем аппетитнее. Соответственно и отгреб, сославшись на здоровье, в отдел экономической информации. Не раз в храме – а считал себя истовым прихожанином – благодарил Всевышнего, что наставил на смену должности.

Таких покупателей, как Руслан, у него образовалось пятеро. Что-то туда, что-то сюда, и навар набегал неплохой. По-крупному предатель не работал, крысятничал осторожно, предпочитая длительное сотрудничество с клиентами, которые и ему подбрасывали кое-какие оперданнные. Тем и легендаровал сохранение контакта с ними после перехода в аналитики. Начальство не возражало: граница между дозволенным и запретным давно превратилась в широкую серую зону. Слева посмотришь, смахивает на приватизацию служебного положения, справа – на современный стиль работы.

Устав ломать голову, решил предложить Руслану оптовую сделку: полное досье в обмен на сумму, не крупную, но достаточную для того, чтобы поменять двухлетнюю иномарку жены на новую, рестайлинговую. «Пусть сам выбирает нужные ему детали, – кумекал он. – Возникнут вопросы, нехай платит дополнительно». Набрал номер Руслана: «Алло. Интернет-магазин? Это клиент 1856. Хотел бы заказать кроссовки для горных прогулок, такие синие, что в «Спортмире» стоят 12.000 рублей. Есть в наличии 43 размер? Отлично. Доставка? Сегодня в 19.00 мне было бы удобно». Спортивные причиндалы сотрудник ФСБ любил, правда, на самом деле покупал их в «Спортмире». На еженедельном футболе с коллегами (всегда полезно посеCRETничать в неофициальной обстановке) щеголял обновками. Одно дело – легенда общения с бандитом, другое – зашифровка самих встреч.

Дагестанец не стал сбивать цену и принял досье охотно. Из устного рассказа подполковника его почему-то заинтересовали подробности семейной жизни Красько. Из этого собеседник сделал вывод: разборка предстоит серьезная и глубоко личная. «Скорее всего, теневым заказчиком является совладелец и конкурент Магомедов, – запоздало блеснул аналитическими способностями он и тут же пожалел, что запросил маловато за сведения. – В следующий раз выставлю счет побольше!» Но сегодня принял двенадцать тысяч «зеленых» и промолчал: «Пацан сказал – пацан сделал».

Служба внешней разведки понесла огромные потери во времена перестройки и затем. Перебежчики из оперсостава дополнялись валом предательства на политическом уровне, вплоть до высшего руководства страны. Пока противники свободно действовали в Москве, а российских разведчиков вязали по рукам и ногам, сложилась тревожная обстановка: старые источники потеряны, новые приобретать получалось плохо. И хотя ситуация стала выправляться, опытные кадры сошли со сцены и козырных агентов вербовать стало некому.

Фишман это знал, поскольку относился к самому молодому поколению. В Великую Отечественную войну его дед, еще мальчишкой, был разведчиком у брянских партизан. Затем хотел выучиться на офицера, но его, как «лицо, находившееся на оккупированной территории», не приняли в военное училище. Потом, когда в СССР еврейская фамилия превратилась в обузу, тот посоветовал своему сыну поменять её на русский вариант – Рыбаков. А внуку пришлось проделать обратный обмен, чтобы удобнее шпионить в США. Рекомендация начальства оказалась нелишней: удобно в общении с людьми, особенно, если имя «Владимир» сократить до «Влад».

Невысокого черноволосого парня – 25 лет от роду, стройного, с загадочным взглядом из-под длинных ресниц – прислали на стажировку в Вашингтон, чтобы определить, готов ли новичок для самостоятельной разведывательной работы. Если «да», то предполагалась длительная заграничная командировка в США. Ничего особенного от него пока не требовалось: освоить должность переводчика в международной организации, присмотреться к иностранным сотрудникам, привыкнуть к укладу американской жизни. В посольстве ему появляться запретили, чтобы не засветился перед ФБР. К тому же правила зашифровки требовали не светиться и перед согражданами. Не то, чтобы им не доверяли, но ведь среди них мог найтись и болтун, и «крот». Гадкое чувство – осознавать, что кто угодно из товарищей может нанести удар в спину. А ведь карьера только-только заладилась.

В двух кварталах от офиса Фишман, в соответствии с традициями аборигенов, отстоял короткую очередь в кофейне «Старбакс» за стаканом-термосом с напитком. Мулаточка фломастером черкнула пару слов на салфетке и улыбнулась. Одарив её четвертаком чаевых, как и полагалось, русский пожалел, что дело происходит не в ресторане, где можно поболтать. Девчонка симпатичная, сексуальность глубинная, не напускная. Такие экземпляры его возбуждали. Что нередко случалось после двух месяцев без женщины – правила запрещали внебрачные половые контакты без санкции Центра.

Двигаясь по улице и прикладываясь к кофе, скопил глаза на написанную фразу «*Don't waste napkins*» («*Не выбрасывай салфетки*»). Приятно озадаченный вошел в конторский билдинг, дождался лифта. В кабине осенило, развернул бумагу в надежде увидеть номер телефона девушки. Увидел рекламу: «*After coffee gum*» («*Жвачка после кофе*»). Уголок салфетки почему-то отрезан. Работа в тот день могла бы не родиться, заинтригованный парень ждал завтра. Ждал только хорошего, не сознавая себе, чего именно. Почему бы не пометать, коли еще ничего не случилось. Шмякнувший на стол пачку документов разносчик вернулся к действительности. «Блин, опять просит миллиарды делегат страны, чье название и местоположение неизвестно большинству жителей планеты».

Мулаточка с биджиком «*Паола*» продолжала, как автомат, обслуживать посетителей. В уме прикидывала: «Вчера почта принесла фото парня и пятьдесят баксов, а обычно, чтобы получить такую сумму в качестве чаевых, приходится улыбаться придуркам два-три дня. Черкнула ему записку, как было велено, и все дела. ЦРУ платит неплохие деньги».

Глава 15

News

И кто придумал, что деревянный дом горит как свеча? Тихо и медленно? Ерунда! Пылает весело, жарко, с треском и пугающе быстро. Особенно зимой, когда сухо – внутри от отопления, снаружи от морозов. Обычно полностью сгорает минут за тридцать. Человек внутри погибает быстрее – удушье, болевой шок от ожогов или что-то на голову рухнуло. Среднее время прибытия пожарных в Подмоскovie также полчаса. В Лапино они добрались быстрее, даже успели развернуть шланги и подключиться к водопроводу. Тушить уже нечего, бойцы поливали пепелище и воспламенившийся забор, чтобы огонь не перекинулся дальше и чтобы произвести благоприятное впечатление на зевак. Те деловито снимали происходящее на мобильники: знакомым отправить или в сеть выложить.

Такие поселки риэлторы называют элитными, только откуда в стране столь многочисленная элита? Да и вряд ли к ней можно отнести пожилую погорелицу, напуганную и заплаканную. Её заботливо укрывала пледом соседка-старушка – такая же родственница богатого или влиятельного человека. Он, как и большинство взрослых обитателей поселка, в тот полдень решал насущные вопросы где-то столице. Столпившиеся чесали языками по поводу пожара, внесшего разнообразие в скучную повседневную жизнь. Проскальзывал оттенок затаенной радости – несчастье обошло их стороной. Подъехал полицейский «уазик».

– Мамаша, как случилось-то? Чайник на плите забыли или утюг оставили включенным? – обратился сержант к потерпевшей.

– Пришли двое в такой же форме, как ваша, спросили фамилию, проверили паспорт, – тут старшая сестра Михаила Красько всхлипнула, – а потом один меня держал, а второй облил мебель бензином и поджег.

– Вы убежали?

– Нет, они меня вывели на улицу и сами уехали. А еще велели передать привет брату.

Прибыла «скорая», бригада чуть не силой повела женщину в машину. Оказавшись внутри, она вдруг выглянула в раскрытую дверь и закричала полицейским и пожарным: «Вы бы кошку мою поискали, а то подевалась куда-то. Как бы в доме не осталась. Ой, там же Алим, мой дворник-таджик!». Никто из приехавших не отреагировал – курили, разговаривали по телефону или друг с другом, сидели в теплых машинах, составляли протоколы. Своя пропавшая кошка – горе, чей-то пожар – чужая беда, сгоревший таджик – статистика.

– Что? – Красько не хотелось задавать этот вопрос, но он знал, что начальник службы безопасности по пустякам беспокоить не стал бы.

– Коттедж вашей сестры сгорел. Майя Соломоновна чувствует себя хорошо. Найден обгоревший труп её помощника по хозяйству.

– Майю доставить ко мне.

– Сейчас привезем.

– Выясните что и как.

– Занимаемся.

Сообщение прервало, но не испортило завтрак. Красько нравился дом из бруса, изначально построенный для себя. Потом вторая жена его высмеяла, пришлось купить резиденцию в стиле *техно*. Камень и стекло не горят, не то что хваленая лиственница. Да хер с ним, с коттеджем, отданным сестре. Хорошо, она не пострадала. И Красько вскрыл ложечкой яйцо в мешочек, макнул туда кусочек багета. «Вкуснотища! Это тебе не *egg Benedict*, который заказывает Ленка. Ох, любит понтоваться, но как сказочна была в кровати». И Лапино уплыло за

пределы видимого космоса, быстро заполненного ночными воспоминаниями. Только ненадолго.

Мозг не обманешь, от приоритетов можно отвлечься лишь пока глотаешь смесь желтка и белка. А заскребла ложечка по скорлупе, мысли вновь вернулись к предстоящему совещанию по Селитрограду. Отмазаться от участия не удалось. САМ намерен принять участие, не доволен лично Красько. Предстояло вывернуться, чтобы «доктора» не прислал.

Собственно, решение просматривалось: снять штаны, нагнуться, принять критику и пообещать восстановить пострадавшие объекты. Вот только стоить будет дорого, причем непонятно сколько. Неограниченных расходов натура принять не могла, поэтому решил действовать в традициях рынка, одесского. «Почем? – Просим пять, отдаем за четыре. – Ладно, беру за три, плачу два». Правда, Президент – третий калач – поднаторел в бизнес-уловках. Хотя есть у него одна слабость: считает себя суперэффективным управленцем, любит влезать в детали. «Заведу его в дебри, как Сусанин, а там поглядим».

Звонка Магомедов ждал с нетерпением. Перед совещанием по Селитрограду требовалось вывести Мишку из равновесия. А хотелось его порвать как бумажку и выбросить клочки. Еще не время, потом, сегодня булавоочный укол, не более.

– Здорово, Мага! – весело начал Руслан, сразу выдав желание отчитаться об успехе.

– *Салам битхъни!* – ответ прозвучал на даргинском. – Как сам?

– Нормально. Оттянулся с клевоу телкой! Не поверишь, минет умеет делать одними губами, совсем без рук. У тебя какие дела, брат?

– Завтракаю в Жуковке с друзьями, – дагестанец начал терять терпение от болтовни подручного.

– Хорошо, что с друзьями. Да еще на Рублевке. Воскресенье и не сильно холодно – многие рванули за город на шашлыки. По телику бухтели, у одной бабки мангал загорелся. Смешно! – Руслан наконец-то перешел к сути, хотя и сохранил стиль конспиративный трепа.

– Надеюсь, она жива и здорова.

– Что ей сделается! Выпей с друзьями за её здоровье.

От Лапино до Остоженки километров сорок. Только в Москве расстояние меряют временем, и тем утром путь занял час двадцать. Марк обрадовался тете, Элен – нет. Допотопный одесский говор плохо вписывался в атмосферу «золотой мили», где близ Кремля обособились нувориши. «Старая непричесанная дура», – гласил вердикт от парижской *этуали*. Красько бросился обнимать сестру, та заплакала.

– Миша, подонки нарочно сожгли наш красивый дом и велели передать привет тебе.

– Шутишь? – похолодел хозяин и тут же подивился собственной тупости.

– Михаил Соломонович, – встрял безопасник, – двое в полицейском камуфляже, славянской внешности, на «уазике» с логотипом полиции, вооружены автоматами. Мы связываемся с людьми в правоохранительных органах...

– Охрану усилить, в первую очередь Элен и Марка.

– Уже.

– Майя останется здесь. И еще: Семен, найди поджигателей.

– Сделаем, – последовал ответ более уверенный, чем позволяли обстоятельства.

Бывший мент понял, что боссу требуется обрести уверенность, раз обратился по имени вместо обычного «ты». Отставной начальник убойного отдела по опыту знал, что действовали серьезные типы и что разыскать их очень трудно. Если только не совершат ошибки, конечно. Почти все преступники ошибаются. Почти.

– Жека, я за хавчиком метнусь в магаз.

- Руслан велел не маячить на улице.
- Собираешься меня заложить?
- Тогда и водяры возьми, пару пузырей.
- А как же *хорам*, ведь Коран запрещает спиртное? Ты же, вроде, ислам исповедуешь.
- Таджика-мусульманина мотыгой замочил, а меня учить вздумал?
- Шуткую. Не парься, я еще не отошел.

Слава вышел из бытовки, где обретался с подельником. Костер рядом едва теплился, палкой пододвинул к углям не прогоревшие кусочки полицейской формы и зашагал через заброшенную стройплощадку к соседнему микрорайону. По весенней грязи лучше бы проехать на тачке. Но «колеса», украденные ночью от склада УВД, они бросили возле пригородной станции электрички сразу после визита в Лапино. Всё, как Руслан приказал. Кроме водки, конечно.

Продавщица приветливо кивнула примелькавшемуся за последние недели парню. «Болтал, что студент, от повестки в армию скрывается, на стройке подрабатывает. Ничего себе мальчик». Против обыкновения не экономил: кроме продуктов и курицы, взял не бутылку дешевой, а две дорогой водки.

- Что празднуете?
- *Умра* скоро, – брякнул покупатель.
- Что ж такое? – проявила любознательность девушка, надеясь набиться в гости.
- Фиг его знает. У Женьки спроси, он сильно продвинутый.
- А-а. Что-то его не видно. Скажи, я скучаю.
- Размечталась. Он бабами не интересуется.
- Неужели «голубой»!
- Не, часто Коран читает, а там насчет баб строго.
- Фу, гадость какая. 938 с тебя.
- Держи тысячу. Сдачи не надо.

Слава брел с пакетом в руке и довольный, что жизнь проста и легка. Делай, как старший сказал, и никаких забот. Не то, что раньше в юридическо-экономическом: лекции, семинары, зачеты, экзамены. На кой они сдались? Хорошо, Жека надоумил, как правильно жить. С исламом у него заморочка капитальная, хотя книга толковая – много в ней правильного. Братья, что приходят иногда из мечети, толковые вещи рассказывают про говно в России. Менты и прочие начальники – кровососы зажравшиеся. Пора, пора их к ногтю, как верно говорит Руслан. Хоть и даг, а красава! С жильем помог, оформил охранниками, непыльную работенку подкинул. После пожара перестанет нас держать за гопников, двинет на серьезные дела. Неплохой аванс выдал, пятьдесят тысяч. Правда, с таджиком нехорошо вышло, только тот сам виноват – начал орать. Ну и пришлось его загасить. Парень вспомнил, как хрустнул и вдавился череп от удара мотыгой, и адреналиновая волна растеклась по телу. Кто ж спорит: приятно чувствовать себя сильным.

- Где стволы? – удивился, вернувшись в бытовку.
- Между плит перекрытия на стройке спрятал. Давай, накрывай поляну, я пока салат покрошу.
- Слушай, а что за хрень *умра*?
- День, когда родились пророки Авраам и Иисус.
- Ваще! Муслимы тоже верят в Христа?
- Ну, не в том смысле, что христиане. Выпьем, расскажу.
- Прикольно. А давай возьмем мусульманские прозвища? Каких-нибудь пророков? Тебе какие нравятся?
- *Иса* — тебе подойдет, а я буду *Нух*. Только между нами? Братьям пока не говори, имена заслужить надо.

Ветер тербит листву в парке Хайгейт, славный апрельский день, рядом бежит спаниель. Что еще может желать лондонец? Жизнь удалась, раз у человека домик в уважаемой пригороде и послушная собака. И еще выходной день в придачу. Плюс погода солнечная и теплая.

Многое может желать обитатель Лондона: горячую женщину (или мужчину) в постели, солидный счет в банке, переезд на юг Франции. И, поскольку Кокрейн являлся главой русского сектора британской разведки, ему хотелось, чтобы реже беспокоили американские «кузены». Так нет же, вчера набился в гости новый резидент ЦРУ, якобы супруга мечтает увидеть, каков английский садик весной. Женщины, понятно, после еды отвалили в зеленый лоскуток 7 × 10 метров, чтобы обнюхать и пощупать цветы и кусты. Настало время беседы *mano a mano* за рюмкой *Sandeman*.

Новичок, кривился от портвейна, но приносил алкогольные предпочтения в жертву профессиональному стремлению понять британский уклад жизни. Тем не менее, слегка поучил жизни никчемного хозяина, у которого в доме даже не медные трубы, не говоря уже о полном отсутствии кондиционеров. С удовлетворением выслушав «охи» и «ахи» по поводу технического прогресса в США, перешел к сути.

– Джереми, как насчет запроса, что на прошлой неделе пришел из Лэнгли? Удалось найти нужного человека среди ваших источников в России?

– И да, и нет, – занял уклончивую позицию обладатель диплома Итона и лошадиного лица. – Есть несколько персоналий, но без уточнения характера будущей операции не рискну назвать конкретного кандидата.

– Цели и характер засекречены, операция высшего уровня, центральное планирование. Мое дело тебя тербить и точка.

– Не поверю, что чуткий нос профессионала не улавливает букет запахов, исходящих из штаб-квартиры, – перешел на лезть хозяин, давно освоивший тонкости разведывательного подхалимажа.

– Улавливает вонищу дерьмовую, – американец обозначил, что знает больше, чем может сказать. – Тухлячок намечается.

Пустая по содержанию фраза несла семантический заряд, который моментально убил желание Кокрейна предоставить ЦРУ сколь-нибудь ценных агентов *MI-6*. Так случается у малых детей, когда один, обиженный другим, говорит: «Я тебе хотел одну вещь показать, а теперь не покажу». Только взрослые хитрее – могут промолчать в такие минуты. Но слова требовались, значимые и ничего не значащие. Речь зародилась из потребности обмена информацией. Современный человек часто использует её для сокрытия.

– Знаешь, в Москве нынче такая задница, – перешел на американизмы Джереми, дабы собеседник прочувствовал фигуру умолчания, – что найти в ней алмаз сложно. Надо подумать и посоветоваться с шефом, я же подчиняюсь Директорату региональных контролеров.

– Не тяни, человек нужен к лету, – поторопил гость, обозначив временные рамки планируемой акции.

На сайт *Lenka.fr* поступило письмо.

Выражаем соболезнования по поводу аварии в Селитрограде и пожара в Лапино. Надеемся, подобное не повторится.

Три миллиона долларов способны превратить нашу надежду в вашу уверенность. За эту сумму мы используем магические способности, чтобы исключить подобные ЧП в будущем.

Если наше предложение заинтересовало, разместите в майском номере журнала «Elle» заметку о продаже в благотворительных целях части вашего гардероба.

После появления объявления мы с вами свяжемся.

– Что за ерунда? Шлют бред, – начала и закончила возмущаться Виктория, уловив необычный характер послания.

– Не, а что? – Элен, как обычно, уловила только последнюю идею. – Можно скинуть часть барахла, у меня платьев навалом, не говоря об обуви и аксессуарах. Как думаешь, будет резонанс в СМИ?

– Сестренка, предложение скорее для твоего мужа.

– Обнаглели, уже на мой адрес Мишке пишут. Устрою ему головной.

Выяснить отношения с супругом не вышло. Тот забрал распечатку и удалился в кабинет позвонить. Безопасник в трубке звучал амбивалентно.

– Либо разводка и вас принимают за лоха. Либо сигнал от налетчиков, вымогающих деньги.

– Какая разводка? Письмо пришла через несколько часов после пожара и на адрес Ленки.

– Пожалуй, вы правы. Попробуем отследить, откуда отправлено. Если действовали с умом, то тянем пустышку. В любом случае есть время до мая, поработаем с тем материалом, какой имеем.

– Уж будь любезен, поработай. Столько на безопасность трачу, а её нет! Грызи, рой, делай, что угодно, но найди авторов.

Глава 16

Надежда

Кластер множащихся клеток становился эмбрионом. Еще не ощущал себя иным, таким его чувствовала беременная. Изменения на биохимическом уровне подсказывали хозяйке: теперь всё иначе. Настроение, аппетит или их отсутствие, например. Мать в одиночку уже не могла решать и простые вопросы: что есть, как лежать. Еще не имевшие своего «я» сонмы клеток, занявшие лоно, могли заставить её неосознанно замереть в движении или без понятных причин положить руку на живот.

Делящаяся масса не была бесформенной или примитивной. В конечном итоге человек будет состоять из двухсот различных видов клеток, каждый со своей специализацией. Организованность возникала и ускорялась. Вот ЭТА сложная совокупность разовьется в нервную систему, с отростками, которые станут пальцами, глазами, мозгом. А вон ТЕ, попроще, превратятся в печень, почки и сердце. Возможно? Да. Вероятно? Да. Неизбежно? Кто знает.

С чудом всегда загадочно или, по крайней мере, неясно. Нет никого и ничего, отдающего приказы клеткам. Они чудесным образом сами общались с соседними, передавая друг другу сахара, соли, аминокислоты. Цитоплазма каждой как-то угадывала, что пропустить тому или другому соседу. Образовывались коллективы, почему-то берущие на себя специальные функции: сформировать барабанную перепонку или сердечный клапан. Коллективы вступали в союзы, избиравшие верное место для создания рук и ног. Из мешанины взаимодействия и взаимовлияния возникала организация человеческого тела. НОВОГО, ОТДЕЛЬНОГО, хотя еще и не самостоятельного.

Ксения ворочалась в кровати, вставать не хотелось. Хотелось есть. Очень. Вспомнила, как жаловалась Степе на отсутствие аппетита, а тот ржал без удержу: рассказчица одновременно пожирала огромный ломоть хлеба, обильно намазанный маслом и икрой. Тогда ей стало неловко, а сейчас неудобство вызывал мочевого пузырь – плод давил, требовал освободить место. В ванной комнате повертелась перед зеркалом. В фигуре еще нет заметных изменений, зато лицо утратило девичью свежесть. Завтракала в одиночестве, благоверный давно на работе, хлопочет по поводу переезда в Америку. Осталось совсем недолго.

Виктор отпустил бородку и походил на дореволюционного академика, духоборца или народовольца. Свое желание идентифицировать его типаж Алехин расценил как еще один знак возвратившегося интереса к жизни. «Борода» явно принес новости и, судя, по смешному подпрыгиванию при ходьбе, волновался. Взгляд долу не опускал – волнение положительное.

– Слушай, пора тебе курс лучевой терапии пройти. Только у нас со специалистами туго: старых мало и их не переучивают, молодых еще меньше, девушек вообще не берут на вредные должности. Одним словом, надо тебе на Землю Обетованную ехать.

– В Израиль? Давно мечтал, только повод не подворачивался.

– Там мой сокурсник трудится в отличном госпитале, я с ним уже созвонился. Медицинское заключение на тебя готово.

– «Раздается над деревней перелив. Провожают гармониста в Тель-Авив». Помнишь советскую частушку?

– Опять шутить начал. Это хорошо. Не тяни, подумай, прими решение.

– Чего думать: поеду. Только, Витя, у меня на той стороне границы есть враги. Больница – удобное место для сведения счетов. Ты в своем приятеле уверен? Ведь меня в его руки отдаешь?

– Илья – правильный мужик. Если порядочного еврея и доктора с безупречной репутацией можно так назвать. Даже арабов лечит без оглядки на местную специфику. Ты ему намекни на свои обстоятельства, он поймет и сделает, что сможет.

– Анечку стоит брать с собой?

– Психологически будет проще одному. Только Анна навряд ли отпустит тебя одного.

– Тогда отправлю её осматривать Святые места. Хочешь чаю, кофе? Выпьешь чего-нибудь покрепче?

– Увы, тороплюсь в больницу, сегодня много операций. Надо лечить пациентов, пока меня не выгнали. Вашему поколению есть к кому обращаться. А следующее, похоже, останется без квалифицированной медпомощи в России.

Вечерний Шанхай – зрелище, которое никого не оставляет равнодушным. Неон, подсвеченные небоскребы, стильные набережные. Черное зеркало Хуанпуцзян отражает яркую красоту, заставляя забыть, что река днем грязна и непривлекательна. Крупнейший город мира вибрирует в замедленном темпе. Меньше бизнес-нервотрепки, трафика, людей. Больше расслабленности, еды, развлечений.

Весной Кун Блокхайзен предпочитал передвигаться пешком, наслаждаясь комфортной погодой. Жара, влажность и смог скоро лишат этой радости, превратив речную дельту в неподходящее место для прогулок европейцев. Голландец приближался к концу трехлетнего контракта с Государственным шанхайским банком и не знал, продлит ли его работодатель. Продления хотелось, что требовало демонстрировать трудолюбие. Поэтому он поздно покинул офис на набережной *Вайтан* и фланировал по *Нанкинлу* — главной улице, протянувшейся через мегаполис. Здесь кипела ночная жизнь, и молодой банкир надеялся на интересное приключение.

Выбрав людное заведение для скромного ужина, оглядел посетителей. Большинство моложе 25. Красивых мало: несколько девушек, пара парней. Куну нравились и те, и другие, что позволяло не загадывать, пройдет ли ночь в женской или мужской компании. Он читал, что раньше в Китае наказывали за внебрачные связи, тем более с иностранцем, тем более с бисексуалом. Ныне о таких запретах не вспоминали, по крайней мере, в Шанхае. Неспешно изучая меню, краем глаза заметил юношу, вышедшего из салона красоты напротив. «Фавн! Грациозен! Двигается, как балетный танцовщик. Наверное, из народности *хань* — тонкие черты лица».

Забыв про голод, привстал во все 184 см и, встряхнув рыжими локонами, махнул рукой. Сигнал привлек внимание китайца, сразу растянувшего губы в улыбке. «*Нихао!* – поздоровался голландец и представился. – *Во цзяо Кун*». Дальнейшее знакомство и ужин – пустые формальности. Оставалось понять, они сразу поедут к Блокхайзену домой или сначала потусуются в одном из ночных клубов. Поскольку завтра утром ждет работа, то предпочтительно обойтись без клуба. Но многое зависело от настроения паренька. На прошлой неделе такой же милашка потащил в парк. Неудобно, зато пикантно.

Любой министр, по идее, обладает властью и несет ответственность. Руководитель спецслужбы – не исключение: исполнительная власть над гражданами, персональная ответственность за успехи и неудачи. Если назначил президент, то исполнять требуется его указания и отвечать перед ним. Хотя где-то далеко, за плечами главы государства, есть еще и народ. Их интересы и потребности в основном совпадают, хотя не всегда.

У ФСБ России задач много, центральная – обеспечение безопасности государства. Государство, как известно, может быть «я», «мы» и «они». На деле трудно настроить огромный аппарат на сложную и нередко опасную работу. Сотрудники – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Жадность, лень, трусость не более редки, чем бескорыстие, энергичность и смелость. А нужно выдавать требуемый результат, несмотря на субъективные и объективные сложности. В голове директора службы отчет за неделю, в портфеле справочные материалы – путь лежал в Ново-Огарево. Президент въедлив, опытен, внимателен. Беллетристикой не впечатлишь.

– Считаешь, нет связи между последними взрывами в городах и ЧП в Селитрограде? – Президент прогрызался через доложенные ему результаты экспертиз и ссылки на «источники».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.